

ДНЕВНИК ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

(Михаил Кольцов «Испанский дневник»)

К то из читателей, с жадностью читающих в каждую строку телеграмм специального корреспондента «Правды» в Испании Михаила Кольцова, не мечтал от замечательной книги, которую Кольцов пишет об Испании по приезде в СССР? Начало этой книги перед нами. Оно появилось под названием «Испанский дневник» в МАН 4-5 журнала «Новый мир» за текущий год и охватывает август—ноябрь 1936 года, от начала фашистского мятежа до первых дней героической обороны Мадрида.

Все республиканская Испания, упоенная своими победами над мятежниками и взбудораженная первыми поражениями и изменениями, прохдит перед нами на страницах «Дневника». «Все сейчас наводило, зарукоило, поглощено тугой взбудораженной людской массой, все всколыхнуло, выслеснуло наружу, доведено до высшей точки напряжения и кипения — так выглядела Барселона в августе 1936 года, так — в большей или меньшей степени — выглядели и другие города и деревни, в которых победил Кольцов. Как писатель-коммунист, Кольцов не мог остаться в этом водороте событий пассивным наблюдателем или ленивым сенсацией. Каждое явление, каждый факт он регистрирует с точки зрения его полезности или вредности для дела Испанской республики, используя для этого свой собственный опыт советского журналиста и участника гражданской войны в СССР. Это придает его книге особую страстность и напряженность. Вместе с Кольцовым читать восхитается героизмом бойцов народной милиции и великодушью работой коммунистов по организации и укреплению вооруженных сил республики. Вместе с Кольцовым возмущается той неравной, бесчестной, великодушью неравномерностью, которую создавали тяжелым иудейством испанского народа в борьбе с мятежниками и интервентами. Вместе с Кольцовым проносится священная ненависть к фашизму, которому история никогда не простит кровавую испанскую детей и матерей.

Осведомленность и оперативность Кольцова изумительны. Он побывал в Каталонии, в Толедо, под Мадридом, перелетал на самолете через территорию мятежников в Астурию и в Страну басков, прямо с фронта он отправлялся на прием к главе правительства или в полубитую комнату Испании. Обо всем важном он сообщает кратко и точно, как репортер, и рассказывает образно и живописно, как художник. Кольцов мало пишет о себе, но всякий внимательный читатель заметит, что он был активным участником событий и не раз, выполняя свой долг, подвергался смертельной опасности.

Кольцов — на самых решающих участках фронта. Вместе с республиканскими отрядами он отходил к окресткам Мадрида, когда фашисты рвались в столицу. Он был с генералом Милоу в ту тревожную ночь 7 ноября, когда республиканское правительство оставило город и только разрозненные отряды на окраинных улицах сдерживали натиск врага. В эту тревожную ночь только одна дорога в Мадрид была напряженной. Это был ход ЦК коммунистической партии Испании. Здесь составлялись списки добровольцев, которые должны были оборонять каждое здание до конца. Нельзя сдать Мадрид. Надо бороться до истощения, до последнего дыхания, до последнего шепота динамита, потом штыками, потом камнями из мостовой.

С какой телотью, с какой любовью описывает Кольцов героических защитников Мадрида! Под маленькая стайка республиканских истребителей расстреливает скопище немецких бомбардировщиков. «Мадридский народ уже придумал им кличку «чотос» — «курносички». Вот дружинники под огнем тяжелой артиллерии догонят мятежников перед стенами города, не давая им продвнуться ни на шаг.

За двадцать дней до 7 ноября фашисты по пути к Мадриду прошли сто двадцать километров, в течение следующих двадцати дней они продвинулись всего на два километра.

Ярко, точно, скупое описывает Кольцов эти незабываемые дни. Фашисты несут огромные потери, но гибнут также и героические защитники республики. Кольцов рассказывает о смерти республиканского летчика Антонио, о гибели солдат из интернационального батальона. Все силы мировой реакции обрушились на Мадрид. «Испан» протарины мира пришли в темную, холодную мадридскую ночь, они

бордуют и эжибу на баррикадах и без устали сжимают мокрые впиточки, и без устали глядят в крошечную дырку». И Кольцов пытается вместе с ними видеть как «задыкала, сквозь тьму, светит нам сюда этот великий маяк — Москва в ожерелье бриллиантовых огней». «Испанский дневник» М. Кольцова выходит тиражом в 100 тысяч экземпляров в издании Гослитиздата.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГЕРОЙ ПРИМОРЬЯ

(Сергей Лазо. Воспоминания и документы. Издательство «История гражданской войны», 1938, 5 р.)

дня отлучке партийной работой, он отвечал: «Все свое время». В такском подполков Лазо, также большому, с трудом передвижной охуные ноги, находил под непространной угрозой плана и гибель, член «Два гатинских Ленин, Клементий Клаузенца о войне и др. Чтение было для него такой же партийной работой, как руководство военными действиями и выступления на митингах.

31 января 1920 года революционные войска свергли власть белогвардейцев в Приморье. Но советская земля еще не была очищена от японских интервентов. Японцы непрерывными провокациями пытались создать повод для выступления против новой власти. В ночь с 4 на 5 апреля японские войска разгромили революционное правительство Приморья. Лазо был арестован и зверски избит. Его живым скрывать следы своего преступления, японцы выпустили беспримечное по своей жестокости и наглости листовое сообщение: «По достоверным, имеющимся в нашем распоряжении сведениям, Лазо не был арестован японским командованием, так как он принципиально не арестовывал идейных политических деятелей... Последние печальные события вновь дали ему возможность пролить свою кипучую военную деятельность на поле насаждения коммунистического начал в русских войсках, и он, очевидно, великий заманчивой предостоя свободной жизни среди своих, вновь ушел туда со своими верными товарищами».

«Товарищ Лазо! До вас, вероятно, дошли слухи о переходе на сторону партии батальона, сформированного из революционных в гор. Имане... Так вот мы, группа красноречивых из числа военнопленных, узнав, что наш старый товарищ Лазо здесь недалеко, спешим вам послать свою товарищеский привет... — так писал Лазо в январе 1920 года бойцы вновь образованного партизанского отряда. Это письмо — одно из многочисленных свидетельств той громадной популярности, которой пользовался славный герой гражданской войны — руководитель дашевновосточных партизан большевик Сергей Георгиевич Лазо.

Сборник воспоминаний и документов о Лазо, выпущенный издательством «История гражданской войны», воссоздает перед читателем образ этого замечательного человека — талантливого командира и мужественного бойца, бывшего агитатора, энергичного организатора прекрасного конспиратора-подпольщика. Для Лазо жизнь и партийная работа были неотделимы. На вопрос в партийной анкете, «какую часть

Через 2 года, в 1922 году, народно-революционная армия под командованием тов. Блохера отомстила за смерть Лазо в бою под Воловачевкой и Спасском и вырвала японцев из пределов нашей родины.

СОДЕРЖАНИЕ: Молодые избранники народа (передовая), М. Алексеев — Сталинские соколы (статья), М. Марзур — Испытание (рассказ), С. Диковский — На острие Асы (рассказ), Фальк — Герои (эпизод, перевод с испанского), Павел Панченко — Песня (стихи), Павло Тимчина — Бой с белополками (стихи), М. Соловьевский — Птица (рассказ), С. Захаров — Золотой фонд обороны (статья), И. Зернов — Воспитание бойца (очерк), А. Гивесский — Командир батальона (очерк), Т. Литвинов — Летчик-наблюдатель (очерк), Л. Ларионов — По залам Морского музея (очерк), В. Викторов — День на танкодроме (очерк), Евг. Симонов — Броненая лавина (эпизод будущей войны), К. Чумаков — Артиллерист-зенитчик (очерк), Л. Зильбер — Лицо врага (статья), М. Кривоусовский — «Детство Горького» (рецензия), Е. Чуриков — Студия был портным? (письмо в редакцию).

Заметки об интересных книгах: Михаил Кольцов — «Испанский дневник»; «Сергей Лазо» (Воспоминания и документы). Памятные даты: Н. Г. Чернышевский (110 лет со дня рождения). — Шахматы.

Рисунки: И. Гринштейн, Росуоро, Д. Пиварова, А. Шульга, В. Урина. Фото: И. Гудыня, И. Шагина. На обложке: На маневрах. Переправа. Фото И. Шагина. На обороте обложки: Артиллеристы-разведчики. Фото И. Шагина.

Фото И. Гущина

1 августа 1914 года началась мировая империалистическая война. Первого августа, в антивоенный день, трудящиеся всего мира выходят на улицы с протестом против угрозы новой мировой войны. Фашизм — это война. Миллионы людей во всех частях света демонстрируют против фашистских разбойников, разрушающих города Испании и Китая, убивающих женщин и детей.

Международный фашизм уже начал войну на двух материках и готовит нападение на страну победившего социализма. На страже советских рубежей стоит могучая, непобедимая Красная Армия. Боятся ее враги, с надеждой смотрят на нее друзья Советского Союза.

Нет такого города или колхозного селения, где бы советская молодежь не изучала искусство меткой стрельбы, вождения самолета, верховой езды, прыжка с парашютом и т. д.

Молодые патристы нашей родины, готовясь к участию в рядах Красной Армии, овладевают военными знаниями. Эти знания они получают в аэроклубах, пулеметных кружках, снайперских командах. Боевая задача ленинского комсомола — вовлечь в эти и другие военные кружки и команды широчайшие массы молодежи.

На фото: студенты Московского политехникума связи Ф. Глушко, М. Михайлов и Е. Ивашина учатся стрелять из пулемета.

МОЛОДЫЕ ИЗБРАННИКИ НАРОДА

Сюзные и автономные республики великого Советского Союза избрали свои Верховные Советы. Радостным всенародным праздником, торжеством советских патриотов, внушительной международной демонстрацией безграничной преданности народа партии Ленина—Сталина были эти выборы. Они принесли блестящую победу крачайшему сталинскому блоку коммунистов и беспартийных. Кандидаты этого блока собрали в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике 99,3 проц. общего количества поданных голосов, в Украинской ССР — 99,55 проц., в Белорусской ССР — 99,19 проц., в Азербайджанской ССР — 99,59 проц., в Казахской ССР — 99,5 проц., в Киргизской ССР — 99,1 проц., в Узбекской ССР — 99,57 проц., в Туркменской ССР — 99,8 процента. Эти цифры красноречиве всяких слов. Депутаты Верховных Советов союзных и автономных республик так же, как и депутаты Верховного Совета СССР, — подлинно всенародные избранники.

Лучше, достойнее людей избраны в верховные органы власти всех республик. И среди них — немало представителей молодого поколения.

Во всем мире, кроме Советского Союза, слова «государственный деятель», «член парламента» вызывают представление о лисеющем человеке, о подпертых седойми волосами, о солидном броне и еще более солидном бумажнике.

Во всем мире, кроме Советского Союза, молодежь в возрасте 18—20 лет не имеет никаких гражданских прав. Трудящиеся юноши и девушки капиталистических стран наравне со взрослыми несут налоги и предпринимателей, от преследований полиции и предпринимателей, но всякого участия в политической жизни страны.

Даже в «свободные» времена буржуазной

конституции в Германии молодежи пользовалась избирательным правом только начиная с 20-летнего возраста. В Англии это право дано лишь тем, кому исполнился 21 год (не считая иных ограничительных цензов). Во Франции установлен тот же возрастной ценз, при этом избирательное право дано только мужчинам. Жители во Франции (как и во многих других капиталистических странах) вообще не выбирают. В двенадцати государствах мира право быть избранным в депутаты парламента предоставляется лишь гражданам, достигшим 25-летнего возраста.

Только советская Сталинская Конституция, самая демократическая конституция в мире, не знает никаких сравнительных возрастных цензов. Она предоставляет право избирать и быть избранным в верховные органы власти всем гражданам, которым к моменту выборов исполнилось 18 лет.

Этим правом с законной радостью гордостью воспользовалась советская молодежь 12 декабря 1937 года — в день выборов Верховного Совета СССР и 12, 24, 26 июня 1938 года — в дни выборов Верховных Советов союзных и автономных республик.

Советская молодежь не раз и не два на деле доказывала свою преданность народу, родине, большевистской партии и ее Сталинскому ЦК. Не удивительно поэтому, что во всех республиках Советского Союза трудящиеся, назначая кандидатуры будущих депутатов своих социалистических парламентам, называли также имена лучших представителей советской, сталинской молодежи.

Конечно, с точки зрения буржуазного общества, Марам Арамова Арутюнян, 19-летняя колхозница, избранная депутатом Верховного Совета Армении, никак не могла бы сойти за мало-мальски «приличного» государственного

депутата. Но в нашей стране ей, как и многим ее ровесникам, охотно и радостно отдавал народ свои голоса в день выборов.

В нашей стране нет разрыва между старым и молодым поколениями — разрыва, характерного для буржуазного общества. Старшее поколение трудящихся и интеллигенция страны солидарна в боевом содружестве работает под великим знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Колхозники и колхозницы наилучшим образом работают на поле, добываясь высочайших урожаев. Трактористы вторе и четвере перекрывают самые высокие нормы вспашки. Педагоги раскрывают перед ребятами кладви знаний, успешны в то же время обучать границе для жизни кидалися на перерез зитрому и жестокому врагу, пытавшемуся нарушить советские рубежи.

Все это делалось во славу социалистической родины, на пользу и процветание советского народа. Все это совершалось вопреки трудностям, в беспощадной борьбе с коварными и подлыми врагами — троцкистско-бухаринскими агентами фашизма. Все это делалось с душой о любимом Сталине — нашем учителе и вожде.

«Я любовь вылетаю в прыжке ниток.

Нежно пальцы твои ласкают мне.

Весь мой труд и чувства мои избиты.

Отдаю родной моей стране!»

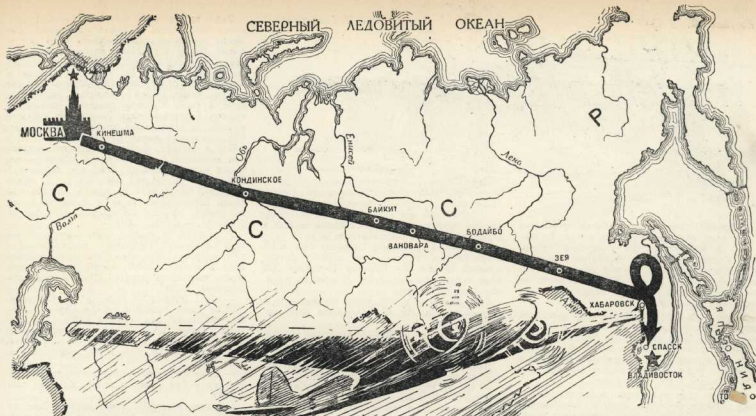
заявляет депутат — стахановка Нина Агаменшавица в своем стихотворении, прочитанном ею на митинге 18-летних избирателей.

И вместе с ней своей «труд и чувства своих избитых» отдаст стране сотни других молодых депутатов, гордых доверием народа, слышавшего их в верховные органы власти. Они не пощадят сил, чтобы опрадать это высокое доверие!

На снимке в верхнем ряду слева направо: пост-комсомолец Эмвлян Аббасов — депутат Верховного Совета Узбекской ССР; секретарь МК и МК ВЛКСМ Владимир Александров — депутат Верховного Совета РСФСР; стахановец Воронежского завода имени В. И. Ленина Василий Кольеян — депутат Верховного Совета РСФСР; секретарь комитета ВЛКСМ Ленинградского завода «Красный треугольник» Антонина Лукьянова — депутат Верховного Совета РСФСР; курсант бронетанкового училища Анатолий Зубков — депутат Верховного Совета РСФСР.

В нижнем ряду слева направо: машинист врубной машины шахты имени Сталина Николай Кретов — депутат Верховного Совета СССР; колхозница-стахановка колхоза «Красный пахарь» Уляна Осерова — депутат Верховного Совета РСФСР; мастер по добыче нефти комсомолец-стахановка треста «Орджиквдентефть» Сугра Габиова — депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР; танкист-пальмовостокник Владимир Михнев — депутат Верховного Совета РСФСР; колхозница-стахановка колхоза имени Кирова (Чечено-Ингушская АССР) Хама Сетиева — депутат Верховного Совета РСФСР.

Герой Советского Союза
Владимир Кокшняк.

*Дальние
сежолы*

Герой Советского Союза
Александр Бриндинский.

Мой товарищ по «высоким взлетам» Владимир Кокшняк вместе со штурманом Александром Бриндинским совершили замечательный прыжок из столицы нашей родины к берегам Тихого океана. Советская машина, на крыльях которой было начертано гордое слово «Москва», с быстротой ветра прочлаась с запада на восток, вызвав восхищение друзей Советского Союза во всем мире.

Сталинская авиация, выместованная великим гением человечества, шапши отцом и учителем товарищем Сталиным, покоряет пространство и время. И даже Дальний Восток перестает быть дальним.

В течение суток со скоростью 307 километров в час невзвира на гром и бури пролетели отважные пилоты товарищи Кокшняк и Бриндинский из края в край советской земли — из Москвы в район Владивостока. За эти часы они пересекли около четверти окружности земли.

Полет славных советских летчиков совпал по времени с беспосадочным полетом, предпринятым немецкими фашистами по маршруту Берлин—Каир—Берлин.

Если наши друзья и собратья по оружию сумели блестяще выполнить сталинское задание, то замысел фашистских летчиков позорно провалился. Полет был прерван в Салониках, и фашистским пилотам, как метко выразился тов. Бриндинский, ничего больше не оста-

лось делать, как послать телеграмму своим заправкам: «Высылайте платформу и мешок для приборов...»

Кое-кто должен сопоставить и серьезно поразмыслить над результатами двух полетов. Тысячу раз прав тов. Косарев, когда он заявляет: «Пусть знают и помнят наши враги, что, если они испробуют наступать на нашу чистую социалистическую родину, столицы их государства будут в полном расприражении наших бесстрашных летчиков», в полном расприражении наших советских самолетов, в полном расприражении наших бесстрашных летчиков».

Для нас, летчиков, совершенно ясно, что Владимир Кокшняк только приступил к реализации своего огромного ошита, накопленного в высотных полетах.

Он летел на высотах 4500—4700 метров. В дальнейшем подобные полеты будут проводиться на высотах порядка 10 000 метров. Большая высота нам нужна для того, чтобы летать в более разреженной атмосфере и, следовательно, встречать меньшее сопротивление воздуха, развивать большую скорость и не зависеть от метеорологической обстановки.

Перелет Кокшняка и Бриндинского, блестящий полет трех военных летчик Полны Осипенко, Беры Ломко и Мавры Расковой — новое подтверждение мощи советской авиации, готовой каждую минуту отразить нападение любого врага.

Летчик-испытатель Михаил АЛЕКСЕЕВ

— Ты не ошибся?

— А вот увидишь— уверенно сказал я. Пока я отыскивал клетку с голубями, широким голопом приближались всадники. Шмельнуло сомнение: «А вдруг не свои?» Но в ту же минуту я узнал командира Смольского, насоего, усатого, и комиссара Лузина в очках...

...Нас обнимали, качали... У самолета немедленно стала охрана. С восхищением слушали командиры и бойцы хвастливый рассказ Суранова; мне же было как-то не по себе от его хвастовства.

Я отдал команду клетку с голубями и пакеты, рассказал о положении на фронте и особо упомянул длинно белее в Мезеле, которая, как видно, направлялась сюда. После этого нас устелил галетами, шоколадом, сахарами. Оказалось, что огутившаяся в тылу армия дивизии не нуждалась в продовольствии. Несколько захваченных у белых складов обеспечено дивизию, а остатки были розданы населению.

В самолет уложили коробки с гостиницами; там были шоколад, сигары, какао. При расставании нам крепко жали руки, обещали встретиться скоро в кругу своих, передавали приветы. Суранов попросил завести мотор и объяснил прием.

— Контакт!

— Есть контакт, выключено.

Взлянь еще.

— Контакт!

— Есть контакт... ни чорта нету. Не хочет улетать,— пошутил Суранов.

— Алеша, закиньте вальцачи!— спросил я.

— Конечно...

Но тут я услышал шелчок от контакта зажигания. Очевидно, Суранов заболтался и забыл выключить своевременно Заработал мотор. Шарканули испуганные копы...

•••

Радостно было улетать, когда дело сделано. Еще полчася — и мы будем на своей территории. На карту я нанес все, что заметил во время полета. Команда Смольский знает во время полета, а командиры бегут метр с ним связь. Смотрю на ульяновыя гнезда над окрестности, на бурлящие веруку косматые тучи: хотя бы дождя не было, а то не долетим.

Сам того не замечая, я зашел. Меня оборвал Суранов: он показал рукой на бензиномер. Визажно захохотал мотор. Что такое? С враждебностью посмотрел я на землю — врата летчика: о воздухе еще никто не разбился, земля же укоротила жизнь многим.

Суранов переклянул бак. Мотор опять заработал. «Хотя бы фронт передеться... Витвращается рылками. Суранов оборачивает ко мне встревоженное лицо. Я понял: надо садиться.

Сразу стало удивительно тихо, только жалобно и протяжно гудели растапки самолета от встречных струй воздуха. Суранов что-то ворочет себе под нос. Выбирать площадку нечего, конь лужок... Кружится мой дух, тихо-тихо по дельце к земле; самолета слезки плачутся, пологленно пробегал метров двадцать, чиркнул крыльями по лозняка и остановился...

Суранов схватил меня за воротник и штица в самолет.

Нас окропили первые капли дождя. Суранов, ругаясь, высочил из кабины. Открыли капоты и увидели маленькую дырочку от пули в середине бензинового бака. Бак был пуст.

— Вот тебе и пятница,— процедил сквозь зубы Суранов.

— А ты что же не осмотрил самолета в Шарыке, а хвастался? — не стерпел я.

Суранов подошел к кабине, ударил рукояткой рычага по стеклу компаса, подал, что бы вылетели склянки, и, наклонившись, большим глотком выпил спирт. Подумав, он опять со злобостью ударил рукояткой рычага по рычажку на левой руке, который носил как талисман. Осколки браслета разлетелись в стороны, по руке потекла струйка крови.

— Валда я! — с особым ударением сказал Суранов, — носил эту пакость, думал, поможет. Суранов пососал кровь на руке, выплюнул и закричал.

— Уходить надо,— сказал я.

— От самолета я нигде не уйду.

Налетел ветер, хлестко ударил в лицо и затык. Сейчас же по самолету забарабанили капли; на небе прогрохотал гром, будто взорвался динамит, и слышу несенный шмель. Мы укрылись от дождя под самолет. Сидели молча. Загулаша шум дождя, гремели раскаты. Приближался вечер. Ливень сразу затих.

— Помогай мне,— сказала Суранов, и достал перочинный ножик. Он подлез под самолет и начал вырезать куски полотна, на которых были нарисованы звезды.

— Зачем? — удивился я.

— Эх, ты, Василь! Великим будем,— твердо сказал Суранов.

Куски полотна со звездами мы забросили в кусты, торопясь, чтобы никто не увидел.

— Прятать документы,— шомандовал Суранов.

Когда я прятал бумаги за подальшею сапога, послышался топот... Четыре вооруженных казака и ладияр повозка приближались к нам. Изпод колес разгороченных колес летели брызги. Суранов неожиданно для меня пошел навстречу казакам.

— Здорово, земляки! — сплужно остановил он конных.

К опухше на рысках высочил батарец.

Ему не ответил, только придеркали копей. Двое спешивши и поехали к Суранову. — Нам приказано летчиков арестовать,— сказал чернороборый казак.

— Дурака не каляйте! Кто приказал? — заорал Суранов.

— Его благородие, есаулу Еремееву...

— Вот я самому высочу верхнему генералу Колчаку скажу, так вальше Еремееву выскит так. Вы что, шутить вздумали? Своих арестовывать! —

Казаки переглянулись. Один из них, уже седой, внимательно разглядывал Суранова.

— Поручик Цветков, дайте мне коробку! — обратился ко мне Суранов, отдавая честь.

Нет, это не Суранов. Я вспомнил: недавно на сцене, в красноярском клубе, Суранов играл офицера. Вспомню у него не выходило... А тут, перед белиши... Нет, это не игра, это на самом деле. Не являлся ли все его служба в Красной Армии игрой, а здесь он настоящий!..

Я быстро принес коробку. Суранов щедро выложил чернороборому галеты, шоколад — у того разгорелся глаза. Суранов оделся в других казаков.

— Это вам гостиница. Мы из верхнего штаба, из Троника. Летели, белиши вышел, подломался немного, минуть аэроплан валдо. Я у вас космою поезде отвести машину, а вы возвращайтесь назад и скажите...

— А как же... нам бы бумажки,— милес чернороборый, жуя шоколад.

— А... хорошо, сейчас. Поручик, баконит!

Я подал, боясь взглянуть в глаза Суранову. Покусав карандаш, он быстро начал писать; на лбу у него выступили капельки пота. Казаки обиделись к самолету.

— Нецать не наша,— указывая на самолет, сказал седой казак.

— Теперь не поймешь где какая пещать, врем... такое,— ответил чернороборый.

— Вот зависка— сказал Суранов, вручая чернороборому бумажки— Она срочная. Нука, повозочный, подальше стоа.

Повозочный, не торопясь, повозочивал повозку, как указывал ему Суранов. Казаки тоже не спешили уезжать. Один из них, желая нам услужить, сел на коня и нагайкой отогнал двух крестьянских парней, осмелившихся подойти близко к самолету; другие пилили гадала на самолет, закуривали.

— Непонятно мне! — ероплан—обращая ко мне, сказал чернороборый.— Какака тяжесть, а на воздухе держится! Суранов закусил губу.

— Ероплан, ероплан... Нечего здесь тарбары разводить, не у тещи... Служба не знаица. Отправляйтесь! — заорал на него Суранов.

Казаки сядились на коней. Перед отъездом чернороборый подошел к Суранову и отдал честь.

— Ваше благородие, я Подберезный, из-под Уральска. Может, когда человек попутнобався вам,— не позабудете: Подберезный...

Суранов незаметно усмехнулся и кивнул головой. Казаки ускакали.

Вечером. Вдруг ночью пронесся большой голубь, он сапала над нами круг, на несколько секунд повис над самолетом в воздухе и, встрепенувшись, взяла курс на Покровское. «Нам голубь», — обрадовался я. Он мне показался особенно близким, родным, дороже всех птиц, наш голубь».

Повозочный помг нам привязать хвост самолета к повозке. Он, как видно, старался угождать. Когда он отвернулся, я шепнул Суранову:

— Может, оставим самолет? Донесения то ждут... А с ним — беда не оберешься.

— Шкуру бережешь, а на чем летать будем? Эх, Вася...

Мне стало стыдно. Я ничего не ответил. Взявшись с двух сторон за плоскости, мы помогли выкатить самолет на дорогу, что вела к фронту. Колеса самолета, подпрыгивая, быстро покатались по дороге. «До фронта восемь верст; скоро лес, как же будем?» — размышляя я. В это время низко пролетел третий голубь; он также отпраздновал везучесть в Покровское. «А где мы заговорим?»

Уже солнце село, когда мы привели самолет на опушку леса, в пяти верстах от фронта. Дальше ходу не было: ужасная дорога, завалы, окопы. Мы встретили группы колчаковских солдат. Многие провалили нас глазам, но, к счастью, никто не задержал. Один раз окружил, смотрел на самолет, спрашивая:

— Куда двигаете, к красным, чи кто?

— А что?

— Да то, что неровно час... Прут красивые дымчосы — ничем не ударят.

Наступила ночь. Мы расположились в прогалине леса. В чуткой тишине леса шестел ветер, коня прядали ушами, повозочный дремал... Вздвигая зеленая ракета. Вслед затем раздался гул орудий.

Вскоре меж стволами деревьев засновали сидуты бегущих солдат колчаковской армии. Их беспорядочная стрельба только усиливала тишину отступления. Сказали кони без седоков. Над лесом зашлепали красные ракеты, где-то близко рвались снаряды, кричали ракетами. Наш повозочный куда-то исчез, оставив лошадей.

Нас беспокоила неизвестность, и к утру мы решили выбраться из леса. Только вышли на опушку, как увидели: по ближайшей балке скачет эскадрон. Впереди на шкеле победно развевается красное знамя.

Суранов выбежал на пригорок.

— Попали в плен... к своим... кричал он с сияющим лицом.

Но деревьям гулял урванный ветер. Над рекой какая-то беззаботная птица заливалась весельем.

— Какой счастливый день был вчера, — сказал я Суранову.

Он наступил:

— Пятишца? Да. Видно, каждый день хорошо, если сам не подкачаешь, — ответил он. — И кто-то выдумал, птица вилочка!

К опушке на рысах высочайшая батарея. На шлемах всадников и в гривах коней развевались алые ленточки. Суранов, увидев приближающихся краснорыльцев, достал и открыл все коробки с гостинцами; потом как-то невпопад посмотрел на меня и опустил голову. Я заметил, как крупная слеза упала на рукав его кожаного пальто. Он торопливо подошел ко мне, посмотрел в глаза и положил руку на мое плечо:

— Вот что, Вася: никому ни слова, что я разбил комлос... Этого больше не будет, — твердо выговорил он. — А за пулю в башке я уж отплачу.

Установка охраны самолета, на лошадах, оставленных повозочным, мы с Сурановым добрались до штаба Железной дивизии, а на другой день к себе в отряд... Недавно я узнал, что Суранов, с которым я расстался в 1924 году, награжден Орденом Ленина.

«Земля здесь немного, да вся наша», — выстукивая Новоселов.

На острове Анна

Рассказ С. ДИКОВСКОГО

Взгляните сюда... Эти следы можно заметить даже под краской. Две пули в бревне, одна в половице...

Прежде отсюда так дуло, что гасла лампа. Мы забыли отогреть паклей и залили вонюх. Теперь тут кладовая нашей зимовки.

Да, Новоселов жил здесь. Мы нашли его фуражку, вычестер 30 × 30 с разбитой скобой и журнал «Солнце России» за 1915 год. В те годы на острове было сухо. Преставьте: изба под шиповой крышей, амбар на столбах, вместо сверка ярмарки флюгер. А там, где выстроен теперь магнитный павильон, висел медный колокол — подарок архангельского губернатора. Даже приказ был: «В случае тумана оповещать корабли частым звоном».

В этой прерванной конкуре семь лет жили двое: унтерштурм-радист Новоселов и камикайский иезуит-студент Войцеховский.

Войцеховский маршировал в банках рачков, определял соленость воды и посылал тракты нето в Петербург, нето в Казань. Связь с Большой землей держал Новоселов. Радио донесло на остров straneные неизвестные слова: декрет, совден, ревком, проэдок, анексия, федерация, комиссар... Трудно было понять, что творится в городе, где находилось прежде начальство радиста.

После обеда, заливая галеты мутным жемчужным кофе, Новоселов пытался вызвать на разговор молчаливого Войцеховского.

— Ну хорошо, федерация — есть федерация, — говорил он в раздумье. — А как же Россия? Генрих Антонович... Это как же понять?

— А вам лучше не понимайте, — морщась, отвечал Войцеховский. — Социальные катаклизмы близки иррациональны, то есть вообще непонятны...

Он сидел желтый, неубитый, позаванный накрест по-бабы пухлым платком и шипал грязными пальцами зубы.

Земля была далеко. У Войцеховского побелели и распухли десны. Ему было на все наплевать...

За три месяца до выступления английских интервентов Новоселову удалось выбраться в город на норвежском гидрографическом судне. Говорит, он долго бродил по улицам, присматриваясь и распрямляя людей, прежде чем вступить в город и познакомиться с новой властью. Новоселов был из барбакинских степняков — человек медленного нрава, но прочных мнений. В те годы советской власти было не до полных зимовок. Однако Новоселова приняли хорошо. В ревком ему обещали выстроить дом, продать козую шкуру собак, выдать даже полушубок, упряжь махорки и солдатские ботинки. Кто-то сторожа сказал ему, что метеоуказки для республикан — странною находка штука. Но больше всего торопил радиста махать, подпавший предрекциям и начальником отряда Еремченко. В нем говорилось, что земля острова Анна со всеми постройками, радиоустановкой, научной аппаратурой и прочим инвентарем республика поручает «личную ответственность» Григорию Ивановичу Новоселову.

...Тральщик, доставивший в бухту Глубокому десантный отряд, высадил нашего на-

чалника на острове, и Новоселов немедленно приступил к работе.

Дважды в неделю он стал передавать на материк пространные радиোগрамы. И в каждой из них цифр было больше, чем выбивает за день кассирша универсама. Во время я служил связистом в отряде Еременко и помню, как поменялись в штабе, читая чудные донесения начальника острова Аина. Были тут обозначения температуры и влажности воздуха, величины осадков, силы ветра, определения солености и плотности воды и еще чего-то, непонятного нашим радистам.

Нужно сказать, что никто на материк уже не помнил зимовщика Новоселова. Да и кого могли зимовщесовать изотеры, если на побережье люди сли жмых. Остров лежал в трехстах милях от берега голый, как ладонь, и жили там только два чуака.

Впрочем, иногда Новоселов разговаривал с берегом человеческим языком. Однажды, в разгар операций на северном фронте, начальнику штаба принесли телеграмму: «Сегодня в 4 утра при температуре 11, на северозападной оконечности острова обнаружена неизвестная птица типа нырков». В конце телеграммы начальник острова Аина просил прислать весной четыре ведра формалина для консервации придонных рачков. В этот день в отряде оставалось по две обложки на человека, и начальник штаба — человек резкий и жесткий — велел телеграфно послать Новоселова к чорту. Телеграмма эта не была послана только благодаря начальнику отряда — балтийскому матросу Еременко. Он был человеком без странностей: без наркоза выдернул ампуляцию раздробленной кисти руки, но был по-детски напуган лекцией батальонного врача о возбудителях тифа. Любил он еще рассказывать сказки. Не представляйте, однако, Еременко каким-то толстоверным одулом: злость к врагу у него была колдовская, прочная, точно лед в овраге.

Но дело не в нем: важно, что один Еременко помнил всевозможные донесения Новоселова. Он велел завести особую папку, сам написал на крышке «Секретно, научно» и велел складывать туда все донесения с острова Аина.

— А ну, нехай, нехай строчит, — говорил он частенько. — Чорты його батька... Мабуть у него в голови шов найдуть е. Га?

Радиограмы Новоселова, адресованные ревокому, принимал по ту сторону фронта и белогарейский полковник фон Нолькен. Прибалтийские дворяне слывут своей рыбой-студностью, а этот был из захудалых баронов, т. е. глуп и упрям, как треска. С подчиненными Нолькен разговаривал на каком-то особом гвардейско-телеграфном наречии.

— Понятно?... Понятно... Мысль ясна... Действуйте! Чорт добери. Точка!

В архивах полка, захваченных впоследствии нашим отрядом, сохранилась часть телеграмм, адресованных зимовщику Новоселову. По ним нетрудно установить, насколько фон Нолькен был лишен чувства юмора. Полагая, что радист острова Аина плоско оседеломлен о делах, творившихся на Большой земле, он раздражал Новоселова:

«Большешковом севере нет чк Немедля прекратите передачу донесений ревоком батальона».

Тот отвечал:

«Подчинившись только ревокому чкк Бандиты хоятс с погоням».

Последующие телеграммы фон Нолькена были написаны довольно энергично, хотя и шаблонным языком:

«Вы отрешены должности зпт измену предастете суду».

«Иуда и хам чкк Весной вас поеваст».

Ответ Новоселова напоминает по тону письмо заирожкевце суляту. Это была одна фраза длиной от острова до Большой земли, смысл которой можно свести к известной народной поговорке: «Выше... не прыгнет!».

Так он сурово отзывался в течение целого месяца. Это был своего рода послоник на расстоянии 300 миль. С одной стороны воспитанник плавающего корпуса полковник фон Нолькен, с другой — начальник острова Аина — унтер-офицер, человек не слишком грамотный, но твердый и честный, сохранивший даже в телеграммах обстоятельную точность и юмор сибирского мужика.

«Земля здесь немного, да вся наша, — выстукавал обиженный Новоселов. — Весной приежкате. Собака наша скулат, точат зубы на дворянскую пададь».

В это время как мы пробивались на север, тесно полковника Нолькена, зимовщик продолжал выстукивать свои пространные донесения. Под новым же ночью, он неожиданно прислал поздравление от жителей острова Аина. «Войцеховская пшукет, — сообщал Новоселов, — скучат по елке, Лечу по возможности».

После этого он замолчал. Это было так необходимо, что Еременко в разгар боевых операций вспоминал молчаливца и запросил Новоселова: «Какая температура, ждем донесения».

Он ответил обстоятельным извинением. Оказавшись, обезьяна остров, заблудился во время гурга и так обморочил валды, что не мог вляться за клзку.

Накануне Новоселов пригласил нам всерез. Это было во время известного февральского наступления дивизии генерала Наговицкого. Во время как больше обрушились на нас фронтальный удар, Еременко решил прощупать их с тыла. Запросив Новоселова и узнав от него, что в районе острова битый лед, он кружным путем направил в тыл Наговицкому два траляника с ледоколом «Вигтязь»... Вы представляете, что может наделать батальон, высадившийся на берегу ночью и подобранный к поселку без выстрела! Эта ночь обошлась белым в полтора человека. Полковник Нолькен парился в бане. Двадцать километров он мчался на нартах в полутьмке, накиннутом на мокрое тело. Его подобрал и оттащил в ванне, как мороженого судака, английский патруль.

После этой прогулки фон Нолькен отправил Новоселову телеграмму:

«Мерваец чкк Пригвором военно-полевого суда вы заочно расстреляны».

Тот ответил немедленно:

«Благодарю внимание чкк Хороните под музыку».

В марте Новоселов просил нас прислать с первой осязанной луку. Видимо, на острове на-

чали дыгнать. Он не знал, что первый советский корабль придет сюда только через пять лет.

Через месяц он коротко сообщил, что сам ходит с трудом, а его товарищ по зимовке, студент Войцеховский, скончался. Его могила в северозападной части нашего острова, в двух милях от Птичьего мыса. Новоселов вырубил ее топором. Он был обстоятельным и заботливым человеком.

«Теперь трудно переговорить с берегом, не зацепившись за чужую волну. А раньше, как зимой в поле, было тихо. Что мог слышать на острове Новоселов? Наверно, Архангельск. Быть может, что-нибудь из Норвегии или Германии, а вернее всего судачки типичной волды от угля, лядка, пресной воде, шифровки английских эсминцев, поздравления лейтенантов по случаю рождения. Человеческого голоса в эфире сюда не было слышно».

В апреле Новоселов уже не мог подниматься с постели. Я представляю, как этот человек с чужими ногами и деснами, превращенными в лохмотья, один на голом острове, перекуривал с полковником Нолькеном.

От пытки он не умер, но весной к острову подошел минный заградитель «Бедовий». На мостике стоял офицер. Видимо, у Новоселова хватало сил, чтобы при виде белых разбить приемник и испрерить батареи питания...

«Здесь, у окна, стояла его кроватка: две пуды в стесе, одна в половине. Для большого дымгой — более чем достаточно».

Он узнал все: его турт, книги, переделки, упрямую собаку, консервы и мякоть.

Нет, большевиком он не был. Просто честный человек, мужик, хлебнувший солдатчины и узнавший, в конце концов, правду. Я не знаю, какой он был с виду. Бородатый или брит. Стар или молод. Телеграммы его обстоятельны и солидны. Ответы полковнику Нолькен дышат достоинством и гневом человека, много выданного.

Наш гидролог Вера Михайловна не только рисует. Она изобразила Новоселова похожим на Кренделя: большим, светлоглазым, лобастым, в кожаной куртке и медвежьих унтах. Рядом с ним приемник типа «КУБ-4». Он нарисован неверно: в те годы не было лампы. Но это неважно. Правда в том, что глаза были настоящие новоселовские: честные, немужского суровые.

Мы часто вспоминаем радиста острова Аина. Каждый год 22 мая все зимовщики собираются на этой площадке. Мы приспущаем флаг и даем залп. Вель Новоселов был первым начальником нашей зимовки.

ГЕРОИ

Мы помещаем несколько эпизодов из книги «Герои», вышедшей в Барселоне с подготовкой «Рассказов для солдат, изданных 27-й дивизией».

27-я дивизия — одна из прославленных частей республиканской армии. В предисловии к книге сказано: «История дивизии — это прежде всего история, творимая героями... Арагонская земля от Теруэля до Пиренеев впитала в себя горячую кровь героев 27-й дивизии...»

ПУЛЕМЕТЧИК

Он пришел из Франции. Другие приходили из более далеких стран: из Польши, Германии, Америки. У многих остались за спиной горные и тяжелее годы наказания. Многие испытали на себе «арестации» фашистского строя — это подтвердили раны и шрамы на ногах и спине. Они бежали из концентрационных лагерей, тайно переходили границу, стремясь поскорее стать в ряды антифашистских борцов. И вот, наконец, рука об руку с испанскими братьями они вместе борются против общего врага, против врага всего человечества.

Француз оставил на родине работу и семью.

Сентябрьские дни 1936 года, бой под Уэской. Бавастера осаждают фашисты. Марокканская кавалерия с диким ревом бросается на наши позиции.

Враг еще далеко. Француз выкидает. Но вот его пулемет начинает трещать, нет, не трещать, а «петь», как говорит француз.

Пулемет «поет» убедительно, без перебоев.

Фашисты бросают на нас все новые и новые толпы.

Француз сбивает всадников, косит фалангистов. Не отстают от француза и товарищи его — испанцы. Фашисты отстреливаются. Пу-

ли свистят над самой головой, но француз как будто и не замечает их.

Бесстрашный француз поет:

«Вставай, проклятым заклятым...»

Он стреляет и поет:

«Все мир голодных и рабов...»

Вокруг пули взрывают землю.

Но француз стреляет.

И кажется, что пулемет лишь аккомпанирует пению, что это гимн, а не пули побеждают врага.

Француз стреляет.

Варуг пулеметчика ударило прямо в лоб. Земля, небо, неприятельские ряды — все смешалось, все заволокло тьмой. Равнина как будто вздымается, достигает до самого неба и затем стремительно низвергается вниз.

— Нет, еще погоди...

Рука с силой опирается на ручку пулемета, боец продолжает стрелять и петь:

«Кинит наш разум возмущенный...»

И в смертельной бой встает готов...»

Красный туман, липкий и горячий, застилает глаза. Пулеметчик отирает лицо рукавом. Он чувствует, как с кровью уходит из тела и жизнь.

«Все мир насалая мы разрушим...»

Француз стреляет.

Фалангисты бегут.

«Мы наш, мы новый мир построим...»

Новый отряд кавалерии наводит ружью.

«Кто был ничем, тот станет всем!»

Кровь течет по щекам, заливая рот... Слабеющая рука все еще управляет пулеметом: француз не слезает. Все тише и тише звучит его голос. Боец задыхается. Пулемет замолкает, но не надолго. Падая, тело француз задевает ручку пулемета, раздается еще три выстрела, три последних выстрела — они звучат как прощальный салют герою...

НОВОБРАНЕЦ С ЗОНТИКОМ

За версту видно было, что новобранец — крестьянин. Плотный, сильный парень в домашней куртке и штанах, неотесанный и неловкий. Он явился к нам в роту с чемоданом и небесно-голубым зонтиком. Был конец ноября.

— Ребята, теперь нам и дождь не страшен! — весело крикнул один из бойцов.

Парень робко улыбнулся. Другой шутник заметил:

— Да под таким зонтиком укроется целая рота!

— Давай, подождем к парню, пусть спрячет нас от «юнкеров» и картечи, — прибавил третий.

Новобранец так и застыл с чемоданом в одной руке и с зонтиком в другой. Казалось, бедняге хочется убежать домой — в поля, где его зонтик не возбуждал ни у кого смеха.

Подоспел комиссар и сделал замечание балагурам:

— Правительство вынуждено признать в армии юнцов, мы все это знаете, а позволяете себе смеяться над новобранцем. Эти шуточки недостойны вас. Помните: союз города и деревни — залог нашей победы.

Все сразу замолкло. Товарищи подшучивали над парнем, не подозревая, что могут его этим оскорбить. К новобранцу подошел один из бойцов, протянул ему руку и сказал:

— Прости, мы не хотели тебя обидеть, но у тебя такой огромный зонтик!..

Первый бой — испытание для новобранца. И вот наш деревенский унаследованный, тот самый, который пришел к нам в конце ноября с чемоданом и зонтиком, первый бросился в атаку. Он бежал впереди — от важной и горчий, увлекая всех за собой. Но вдруг парень выронил винтовку и свалился на землю. Один боец залезжал около него, пытаясь помочь ему встать, но кто-то крикнул:

— Вперед! Не мешкай!..

Когда мы, после удачно проведенной атаки, подбежали к месту, где упал новобранец, парень был уже мертв.

Долго потом как реалику хранили бойцы огромный голубой зонтик. Спросите любого нашего товарища об этом зонтике, и вы заметите, как он покраснеет и уклончиво, с легкой хрипотой в голосе скажет:

— Да, было дело...

ОБСТРЕЛ СТАНЦИИ КАЛЬДЕАРЕНАС

Официальное донесение от 13 ноября 1937 года гласило:

«Наша артиллерия успешно бомбардировала неприятельские войска у станции Кальдеаренас».

История этой бомбардировки настолько интересна, что ее стоит рассказать.

В один прекрасный день к командире нашей бригады явился маленький косоглазый человек.

— Не нуждается ли вы в оружии? — приважно спросил он.

Мы с удивлением взглянули на него.

СЕМЕРО «ВРАГОВ»

Действительно, недалеко от штаба стояла пушка. Командир пристально посмотрел на космогонного маленького артиллериста и немного недоверчиво спросил:

— Вы метко стреляете?

— Ну, знаете,—недовольно ответил артиллерист,—об этом и говорить не стоит... Куда взгляд упадет, туда и снаряд попадет.

Этот ответ немного встревожил нашего начальника и без причины: у парня один глаз смотрел на нас, а другой— в Кальдеренас. Но мы нуждались в оружии, и артиллерист со своей пушкой был принят в бригаду.

Начиная с этого дня каждое утро маленький артиллерист робко спрашивал начальника: — А что, я вам нужен сегодня?

Ему отвечали:

— Нет, сегодня не надо, может быть, завтра...

Артиллерист и его пушка скоро стали у нас знаменем. Шутники, посмеиваясь, срывали пушку с осли на дугу. А лейтенант так даже дал ей кличку—«ушкина ковычка». Другие товарищи с важным видом доказывали, что первый же снаряд угодит примехколю в наш штаб.

Но вот как-то из штаба передали, что на станцию Кальдеренас прибыл военный поезд фашистов. Нашего артиллериста вызвали к телефону:

— Послушайте! На станцию Кальдеренас прибыл военный поезд. Приказ штаба—стрелять по станции.

— Слушаюсь! Начиная—восторженно откликнулся человек.

Пушка зарохотала. С трепетом навели мы фокус зрительной трубы на станцию, боясь увидеть что-нибудь несурзное.

— Здорово!—воскликнул один из товарищей.

Вагоны были разбиты, станция обята пламенем. Мы не верили собственным глазам, но сомнения были невозможны: станция Кальдеренас горела... от вагонов военного поезда остались одни щепки.

Из штаба снова позвонил артиллеристу.

— Поджариваем вас, товарищи, мы стреляете насаду!

— Спасибо! Спасибо!—ответил человек.

Чувствовалось, что он прямо из ковра лезет вон, чтобы оправдать доверие штаба, уничтожить врага.

И снова... бум! бум! бум!..

Начиная с этого дня никто больше не подменялся над маленьким космогонным артиллеристом.

На горе, в темном лесу расположились фашисты. Обороняясь от нас, они поспешно рыли окопы. Пятьсот бойцов 27-й дивизии на рассвете смело обошли укрепленные врагом высоты и пробрались в неприятельский тыл. Митяежники совсем потеряли голову и трусливо покидали позиции.

— Красные наступают!

* * *

— Слышите, как ругаются снаряды? Смотрите, они берут приступом гору! Они уже близко. Наконец-то!

Семеро солдат Франко притаились между двумя пулеметами. Один из них шепчет с надеждой товарищам:

— А, покажу, наши «этих» прикончат.

Солдаты оглаждаются по сторонам. Со всех сторон их окружают фашисты.

— Хватит, поработали на них,—говорит один из сем.

Вот уже полтора метрают они воспользоваться суматохой в бок и перебраться к республиканцам, которых считают своими настоящими товарищами. Фашистов же они презрительно называют «эти». Внезапно лес пробуждается.

Крик. Команда. Стрельба.

Дождь падают осколки снарядов на лесную дорogu.

Солдаты прислушиваются к неуверенной стрельбе фашистов.

— Это есть наш последний и решительный бой!—говорит, улыбаясь, старший из них. Замаскированные дула пулеметов обращены к верхним деревьям.

Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та...

Поглощая бесконечные ленты патронов, бесперерывно трещат пулеметы, но сшибают они только ветки.

— Верный прищел... что и говорит!—саркастически замечает один.

Вину, под легким дождем щенок продвигается республиканцам.

— Идеи! Забирай патроны!

— Нет, не надо, бросай оружие!

— Молчи и стреляй в воздух, если ни хочешь, чтобы «эти» окончили с тобой...

И вивая трещат пулеметы, обстреливая верхние деревья.

— Чорт!—вырывается крик у одного из солдат, и на секунду замолкает трескотня пулемета.

Шесть голов обращаются в его сторону.

— Меня ранили наши!

Товарищи перевязывают раненому руку.

— Что теперь делать?

Они колеблются.

— Продолжать начатое,—спокойно отве-

чет раненый.—«Эти» живо смекут, почему мы замолкли.

И снова летят вниз щепки и листья. Все семь солдат чувствуют на себе пристальные взгляды фашистов.

— Меня тоже потопечивали!—шепчет другой.

На рубашке у него быстро выступает кровавое пятно.

— Верная гибель! Наш изрешетят здесь наши собственные товарищи. Разве этого мы добиваемся?

— Уж лучше пусть наши, чем «эти»,—отвечает первый раненый.

Республиканские части совсем уже близко, им остается пройти всего только пятьдесят метров.

— Только пятьдесят метров... Товарищи, товарищи...

— Вы с ума сошли,—шепчет наводчик и е силой налегает на ручку пулемета. Он стреляет прямо в голубое небо над собой.

Пулеметчик оглаждается по сторонам. Все его товарищи уже лежат на земле. «Они все ранены. Что делать?» Он ползет от одного к другому.

— Мы спасены...—обрадует он их.—Наши всего только в тридцати метрах. Скорей, скорей... бежим!

Медленно поднимаются с земли раненые. Шатаются. Один закрывает рукой окровавленное лицо, другой поддерживает перебитую пулей руку, только старшего из них пощадил пули.

— Ну, ребята, крепись! Наши близко!

Они подают республиканцам знаки. Поднимаются на колени, ползут, поддерживают друг друга.

— Товарищи, товарищи!!!

Семеро солдат Франко сражаются вместе с нами против фашистов.

Перевод с испанского

М. КАЗАК

Повея ПАНЧЕНКО

Ой ты, поле, серый камень,
Перелетанный лесом,
Где ты, трава, ты, муравка,
Ты, лазоревый цветок?

Только дуб один ветвями
В небо синее ушел,
А на нем, под самой тучей,
Молодой сидит орел.

Молодой орел тоскует,
Помutilась высота.
Верный конь под дубом ходит,
Ходит лошадь-сирота:

ПЕСНЯ

— Ты вставай, вставай, хозяин,
Улетело воронье,
С новым ветром побраталось
Море Черное твоё.

Вспомни, вспомни, снеглазый,
Как ты к счастью путь держал,
Как бросал свои гранаты
Ты в четырнадцать держал.

Как державы убежали,
Вида красную звезду...

Ой, упал ты в чистом поле,
А проснулся бы в салу.

Для того ль полет синицы,
Чтобы ты не подвезла?
Для того ль глаза синицы,
Чтобы ворон их клеветал?

Для того ли кудри вьются,
Чтобымышь гнездо свила...
Ты вставай, вставай, хозяин!
Ночь—и ты светлыми-светла!

Бой с белополями

Выдающийся украинский поэт Павло Тычина, депутат Верховного Совета УССР, заканчивает работу над своей новой повестью «Бойна Котовского». В поэме изображаются события осени 1920 года, когда легендарный командир Котковский брал приступом большие польские и петляровские часты, пытавшиеся захватить район Винницы. Котковский со своими бойцами блестяще отразил наступление неприятеля.

Мы печатаем здесь отрывок из второй главы поэмы. Полностью повесть будет напечатана в журнале «Слава».

Наскочили один на других неожиданно. Днем. Там, где лес осенний, пожелтевший, прозрачный, поряжелый, кончался, как будто еще хотел себя продолжить кустарником, орешником, перелесками,—вдруг заголубело что-то.

Кондрат. Польские уланы? А цщ... ого, да у них сабель шестдесят будет, а нас всего ведь сорок. Оксен. Принимать бой или нет?

Но тут вдруг, выхватив саблю, Котовский:
— За мною!

А голубые уланы тоже с криком ринулись на котовцев. И вперед летел у них долговязый стальной всадник. Ох, и столкнулись же! Аж сверкнуло во все стороны...

Не было тут ни орудий, ни бомб, ни длих пулеметов— чисто работали! Саблей все только— как христит, как хрустит, саблею только по черену чиркает и туло отдаст; звякнет, у шен, скользнет, резанет— и наекви отхватит голову ту белополюскую, что и слетитса с открытым ртом (словно крикнуть пытаюсь)— с коня тут катилась, носом скакала, еще и еще... наконец, докатилась, шеею вверх, подрезанной тьмовой, качнувшись встала; кровь только с шен густая спешила сй в рот неакрытый, в ноздри, в глаза... А улан безголовый, похожий на кукулу, вило, вдруг выронил саблю, все ниже клонился и ниже... Ксь его ржал и носился, а кукла валилась на землю.

Да нет, не только саблей тут врага доминали. Уво сколько польских улан повернуло назад, убага. Цок, цок, цок! Взяв на темлик вынутую саблю, из нагана выстрелил вдогонку по ним курчавый Оксен. А за ними и Лукьян динноиссий: пок! И уланы, в разные стороны падая, тшество искали опоры в воздухе. А коня их— вадль тада, за перелески, перепуганным топотом топотали. И там, на свои седла удивленно оглядываясь, дико храпели...

Слушали чутко далекие дали, а что там такто?

Что там на той на полянке, у леса, где знопа от сабел, звука, хрипения, стнания стально, что все это вместе звуками вверх торчала под мышки, над облачным небом, словно соломенный сноп под шекою ребенка. От тучи хурливши дальние дали и вдруг прояснились. То солнце ни из-за тучи весть подавало: отступят котownicy— больше светлого светить уж не хочет, и в тучах окошка— слышь занавесками вдруг закрывает. А только котownicy верх одержали— светлей, откинувши все занавески, прямо в окошко расплоснутым носом притиснется плотно, брызгает радостным смехом-лучом, и Котковский шеею, плечи могучие сверху осветит, на саблях секучих, сабельках острях, что всё так и чешут,— солнце заблещет, солнце блещет в них, по всем проблещит, да как вдруг заблещает, на острие на холодное вскоит и с ним заодно во мгновение в сердце врага оно резко вопитса!

А силы поляков

были больше, но силы какие? Не всяк из уланов знал, за что бился. А наши котownicy, те твердо знали, что билсь они за советскую землю, за землю, где уж не видно панов и воевек не будет. Поляки

саблею места искали, куда б уколоть,— и словами, руганью, криком кололи:— На пана идешь, ах ты, бьдо! Нна! Тут котонец ему:— Коли пан,— получай же за «бьдо!» Мигот тут пан голубой на коне без рубчи остался. Сбоку другой наседад на котownika:— Буитоваль? Босота! Нна! Тут котонец ему:— Коли пан,— получай за «босоту!» Мигот тут пан голубой стад пониже чуть-чуть, белогловым,— Господи боже, прима мою душу!— кричал, растерявшись, третий улан, когда саблею боец из руки его выбил:— Матка-божка, я гибну за Польшу от жожа до жожа! — Вот и дурак, что еот жожа до жожа,— колдуят тут котонец саблей врага:— Ну, и вадль... матка-божка, а как же! Поможет! Да и ширнуло его так, что назад вынимать было тшесо: — Душу ты к господу прошнй отправить?— Ивало! Это можно! Ой, и сражался на... на полне, у леса! Над лесом хриплые воева с криком кружились. В лесу же прозрачно гурькое ухало эво в деревьях, и дятлы сильнее начали тукать; а божки хвостате с ели высокой на землю шншия росли, седляли ореховым глазом: «Что там за шум? и нельзя ли немного потшече? А ветер синул: «Нехоль!»— им ответил и так закачал тут осину, дуб и березу, что листья, как равные веры, кружились, в страхе летели, все ниже летели, на голую осмлю падали с шумом! Но божки теперь сквозь кружение листьев видели все: вдалеке на полянке как крикнет Котковский:— Смело за мною! Орми! За совети! Вперед! За свободу!— кинулись снова бойцы и чесала направо, налево. Сам же Котковский, как вихрь, на коне на сребриногровом— саблею раз!—И уж враг словно сплеск; и саблею снова!— в страхе летели паны, отлетали на голую землю, падали с шумом... И враг уж совсем ослабел, отступая. Только вон тех бы еще одолеть, что пока не даются. Только вон тех бы еще опрокинуть, что в лес отступили. Кинулись в лес, налетели да врзались, в калу смелались... Не было тут ни орудий, ни бомб, ни длих пулеметов— чисто работали! Саблей все только как христит, как хрустит, саблею только по черену чиркает и туло отлаетса.

— Дастся теперь вам от нас по заслуге!— кричали котownicy, с хрустом рубая. И кости хрустели, уланы ж просылсь: — Доси! Достатечн! Садося! — Садысье?— Оксен засмеялся, вдруг он увидел: Кондрат отбивался валми за дубам. — Хлопни! Тула,— и крича во всё горло:— Кондрат, отбивайся! Ну же, скорей!— он врзался в самую гущу, как тула... Хапоны же саблями тоже вперед себе путь пробивали: — Дастся теперь вам от нас по заслуге!— и, в лес загоняя сабелей врага, они секли, рубили, кололи, кршляли...

Ой, вот теперь уже добре, как будто,— тьяко дима, котownicy один на другого с гордостью поглядывали. Лукьян и: — А что, разве нет? Оксен:— Да добро ж, говорю и, добре! Кони ж бойцов ничем не стояли спокорно на месте. Всё еще будто играя, вертелись то вправо, то влево. Кони с налитыми страхом глазами тревожно косились: «Нет ли еще где врага? Или всеи порубили?»— И, часто ноздри свои раздувая, тьяко богами носили, глухо хрипя своим брхом, в землю стучали копытом.

Переве с украинского
Николай Браун

Тень

Рассказ М. СЛОНИМСКОГО

Рис. В. Урня

Начальник отряда возвращался по дозорной тропе на заставу. Командит, смуглый пожилой человек, товарищ начальника отряда еще по прежней работе на азиатской границе, сопровождал его.

— Вот тут, товарищ полковник, тоже было произведено задержание,— сказал командит.

Его голос вслугнул какую-то птицу—она поднялась с ближнего дерева и перелетела границу. Это была обыкновенная лесная птица, и в ее свободном, уверенном полете не было ничего удивительного.

Полковник проследил взглядом за тем, как свободно она нарушила границу, и неясная мысль шевельнулась в нем. Командит рассказывал. Влажный кленовый лист, колышась, коснулся руки начальника, ветер дохнул в лицо, мокрый, заболоченный лес ожил в рассказе командита о задержании. И поветствие полковника ощущение отлетело, как птица.

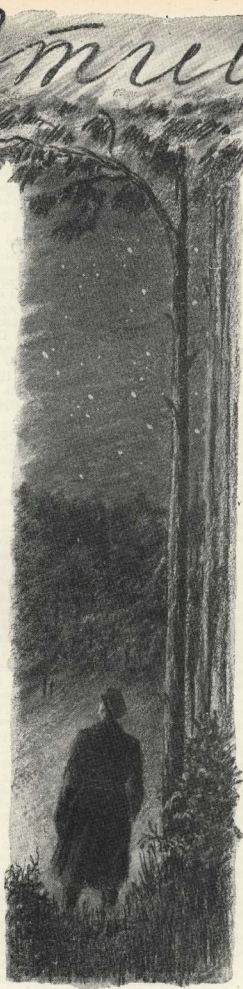
Страна внезапно громила врагов и в тылу и на границе. Враг упорствовал, засыпая смену арестованным и разоблаченными. Террористы и диверсанты, пронструктурированные в штабах иноземных государств, крались к советской земле. Задержания учащались, и на-этом участке границы не было ни одного случая, когда бы врагу удалось пройти незамеченным. Такой результат достигался большим напряжением всех бойцов и командиров. Начальник отряда недосыпал, лицо его пожелтело и осунулось, но глаза спокойно и уверенно глядели из-под густых черных бровей.

К вечеру, закончив проверку участка, начальник простился с командитом.

Посадив шопера рядом с собой, полковник, как всегда, сам повел машину. Был уже первый час ночи, когда он выехал на приморское шоссе. Два светлых луча, врезавшись в темноту, бежали вперед. Было тихо и пусто вокруг. Слева возмало неспокойное свиное море. Справа, на горах, уже не светились огни колхозов: люди спали. Мимо, с грохотом и свистом ворвались в ночной мрак, пронесли последний поезд, ведающий, сверкающий огнями окон. Он промчался по железнодорожной колее, проложенной между шоссе и черной грядой холмов, гремя бурно и торжливо. И вновь тьма, два бегущих луча вперед и ветер трещит и рвет боковыми машинами. В этом стремительном движении был отдых. Начальник отряда любил движение, вся жизнь его была отдава движению.

Сосны выросли вперед. Они встали азгур стройной и молчаливой толпой, высоко занеся головы свои к небу. И вот они окружили машину, шоссе вбежало в сосновый бор. Тихо стал ветер, и глуше урало море. Недвижные молчаливые сосны, ступая тьму, все дальше отодвигали шоссе от истинных бескопых вод. И вот уже совсем не слышно моря.

Машина шла вдоль деревянной ограды. Полковник замедлил ход и свернул в открытые навстрек ворота к стоящему в глубине

Он поднял голову и только теперь увидел небо.

одиноко, как домик лесника, хутору. Свет фар ударил в окна дачи, и начальник отряда остановил машину, потушив огни.

Неподвижный и молчаливый, он задержался на миг у руля. Затем шипел, отворил моторник макитона, поднял голову и только теперь увидел небо. Это было чудесное небо, спокойное, ясное, в изумительных узорах созвездий, и ни одно облако не затмивало его. Там было широко, просторно и светло.

Жизнь начальника отряда была полна боевых эпизодов. Первый отряд он получил еще в гражданскую войну, когда был командиром роты. Второй отряд был дан ему уже за пограничную службу: он первый ворвался в степи басмачей и лично убил вожжа. Он разгромил в своей жизни не одну вражескую банду и воспитал многих отличных бойцов. Все в жизни было продумано им до конца, знания и опыт придавали решительность его действиям. Смысл и цель его работы жила в его крови, как любовь к родной земле, к родным людям, как нечто неотделимое от него и его поступков. И сейчас, глядя на это огромное небо, он думал о далеких краях, где людям живется все еще плохо, как и ему в юности, когда был он слесаренком на заводе. Те люди, достойные, как и он, счастья, тоже видят это небо, но не могут еще так разовьтаться ему, как он. Их победы вперед, в будущем, может быть, недалеком.

В семь часов утра начальник отряда был уже на ногах. Когда он с женой кончал завтракать, на веранду к нему вбежал десятилетний сынишка. Осталось неподвижно, внимательно следя за тем, как ест отец, и вдруг спросил:

— Папа, скажи: ты всегда будешь пограничником?

— Не знаю,— отвечал отец улыбувшись.

— А граница всегда будет?

Начальник отряда вспомнил вчерашнюю птицу, ее свободный и уверенный полет, и ощущение дозрело... Но он ничего не успел ответить сыну. Пронюсав у веранды машины из штаба, и мальчик бросился к шоперу—любимому своему другу и покровителю.

Уже доносился голос шопера:

— Другим разом дозвез: сегодня некогда. Будешь за рулем сам орудовать, как папа...

Полковник надел фуражку, нахлопнул макитон и вышел. И в это теплое утро внезапно представилось ему время, когда будет опрокинут враг по всему миру, исчезнут границы и человек, прогнав навсегда беду и горе, отдаст всей землей для труда и счастья.

Шофер, как всегда, попытался сам сесть за руль.

— Что же зря буду в машине?—обжался он.

— Не зря мы с вами живем,—отвечал начальник отряда и повел машину.— Не зря бьем морду врагу.

И хотя ответ был как будто неполно, но шофер понял.

Золотой фонд обороны

В авиации, артиллерии, кавалерии, пехоте, автобронетанковых и других частях Красной Армии находятся лучшие сыны ленинского комсомола, стойкие и надежные защитники социалистической родины. «Комсомольцы Красной Армии и Военно-Морского Флота», — говорил товарищ Ворошилов, — это великодушный, золотой фонд обороны государства трудящихся. Они идут нога в ногу с партиями, показывают прекрасные образцы упорства в достижении поставленных целей, в умении преодолевать все и всяческие трудности, в прочном освоении порученного им дела, в беззаветной преданности большевистской партии и своей социалистической Родине».

Десятки и сотни тысяч комсомольцев-красноармейцев ежедневно и ежедневно оправдывают своей работой эти замечательные слова своего любимого наркома. Имена Героев Советского Союза, воспитанников армейского комсомола: Баланова, Сенаторова, Шевцова, Лакеева, Прокофьева, Доронина, Рычагова, Еринина, Керзунова, Новикова, Десницкого и Юдина — широко известны в нашей стране, нашему советскому народу. Больше 500 комсомольцев — бойцов и командиров — награждено различными орденами Союза ССР, из них около 100 человек — дважды орденоносцы.

Имена комсомольцев-танкистов: братьев Михеевых, Лагоды и Мичуриных — известны далеко за пределами Дальнего Востока.

В Среднеазиатском военном округе комсомолец-танкист Петр Норкин завоевал первое место в округе. В Приволжском военном округе, в эскадронном полку, отделение комсомольца Бибикова занимает первое место по всем видам боевой подготовки и имеет только отличные показатели. В 1-й московской стрелковой дивизии отделения комсомольцев Бедненко и Пепилева военным советом Московского военного округа признаны ведущими в округе.

Подобных фактов и примеров тысячи. В этих замечательных делах раскрывается та огромная сила, которую таит в себе армейский комсомол.

Заклятые враги советского народа: гамашишко-будинские шпионы и вредители, пробравшиеся в ряды Красной Армии, — всячески пытались развалить работу армейских комсомольских организаций. Они тормозили вовлечение в ряды большевистской партии лучших, наиболее политически проверенных комсомольцев, искусственно сдерживали рост комсомольских организаций за счет передовых красноармейцев. Враги народа мечтали большевистскому воспитанию комсомольцев, стремились задержать рост и выдвинуть новых молодых кадров. Подлая деятельность дотох врагов народа была направлена на отрыв армейского комсомола от партийно-политического аппарата и партийных организаций. Подлые изменники родины — наемные агенты фашистских разведок — просчитались: славная советская разведка, руководимая сталинским наркомом Н. И. Ежовым, разгромила вражеские гнезда в рядах Красной Армии. Армейский комсомол сейчас, как никогда, силочен вокруг сталинского, Центрального комитета партии, вокруг учителя и друга советской молодежи — товарища Сталина.

ЦК ВКП(б) и лично товарищ Сталин уделяли и уделяют армейскому комсомолу большое внимание. За последние месяцы ЦК ВКП(б) принял ряд важнейших решений, имеющих огромное значение для подъема и улучшения всей комсомольской работы в Красной Армии. ЦК ВКП(б)

создал в Политуправлении РККА специальный отдел по руководству комсомольской работой в армии, ввел во всех военных округах и армиях помощников начальников политуправлений по комсомольской работе и разрешил Политуправлениям РККА привлечь проверенных и политически грамотных комсомольцев для работы заместителями и помощниками политруков. ЦК ВКП(б) разрешил при приеме комсомольцев-красноармейцев в партию приравнивать к рекомандации двух членов партии рекомандацию ротного комсомольского собрания, подтвержденную полковым бюро ВЛКСМ и утвержденную политотделом дивизии или бригады. И, наконец, ЦК ВКП(б) утвердил «Положение о комсомольских организациях в Красной Армии» — эту боевую программу работы армейского комсомола.

Все решения ЦК ВКП(б) направлены к одной цели — большевизировать армейский комсомол, сделать его мощным орудием партии в ее борьбе за большевизацию всей Красной Армии.

В настоящее время в частях РККА заметен подъем комсомольской работы. Прежде всего об этом говорит небывалый рост армейского комсомола. За несколько месяцев 1938 год принято в ряды ВЛКСМ значительно больше красноармейской молодежи чем за весь 1937 год. Тысячи передовых комсомольцев приняты в ряды большевистской партии. Несколько тысяч лучших комсомольцев — цвет армейской молодежи — выдвинуто на политическую работу в качестве заместителей и помощников политруков. И многие из них за сравнительно небольшой срок работы сумели зарекомендовать себя прекрасными организаторами, чуткими и заботливыми воспитателями красноармейцев.

Враги народа всячески пытались оторвать армейский комсомол от гражданских комсомольских организаций. Комсомольские организации Красной Армии должны установить тесную, повседневную идейную и деловую связь с местными комитетами и комсомольскими организациями.

Хороший пример показывают ленинградский и кубышевский обкомы ВЛКСМ. Эти обкомы вместе с политорганами и комсомольскими организациями воинских частей проводят большую работу и среди армейских комсомольцев (помощь квалифицированным лекторам, докладчиками, встречи, экскурсии и др.), и среди гражданской молодежи (военная учеба, пропаганда военных знаний и др.).

Комсомольские организации Красной Армии и комитеты ВЛКСМ должны регулярно созывать объединенные собрания комсомольцев-красноармейцев с молодыми стажерами предприятий, проводить совместные вечера художественной самодеятельности, спортивные соревнования и т. д.

Комсомольские организации должны по боевому организовать военное обучение комсомольцев и молодежи, коренным образом улучшить работу Осоавиахима, аэроклубов и учебных пунктов. Комсомольская печать должна широко пропагандировать среди советской молодежи военные знания, военные профессии.

Центральный комитет партии и лично товарищ Сталин оказывали и оказывают армейскому комсомолу несомненное внимание, неустанно о нем заботятся. ЦК ВКП(б) делает все, чтобы поднять работу армейского комсомола на должную высоту. Борьба за последовательное и полное выполнение решений ЦК ВКП(б) об армейском комсомоле — главное, что требуется сейчас от всех комсомольских организаций и, в первую очередь, от актива комсомола Красной Армии.

ВОСПИТАНИЕ БОЙЦА

...Курсанты пришли с обеда. Школа части снова открыта. Группа курсантов продолжает какой-то интересный, видимо, начатый еще в столовой, разговор. Двое беседуют у географической карты. Часть курсантов нашего радиозавода, в том числе и я, сидела в лекционной комнате. Мы говорили о Кренинке, знаменитом радисте дрейфующей станции «Северный полюс». Прервал нас дежурный по школе: — Зернов, к военкому!

Военный комиссар тов. Быстров встретил меня очень приветливо:

Знакомьтесь! Садитесь. Будем беседовать. Известно ли вам, тов. Зернов, решение Центрального комитета партии об установлении в Красной Армии должностей заместителей и помощников полнотруков?

Подошло охотников меня с решением ЦК ВКП(б), военком спросил меня: — Если нас утвердит заместителем полнотрука кино, что вы скажете?

Вопрос застал меня врасплох. Правда, опыт политической работы у меня был. До армии я работал секретарем райкома комсомола одного из районов Ярославской области. В школе части был избран секретарем президиума комсомольской организации. Но все же тема навязчивая, которую надо для самостоятельной политической работы в армии, а я еще не обладал.

Конечно, проше всего было выйти из положения, сказать: «Я полнотруком. Но чего же тут, собственно говоря, размышлять, когда и так все ясно. Партия требует—значит, нужно».

Я ответил:

— Согласен, товарищ военный комиссар.

Как-то в перерыве между занятиями я зашел в курьерку. Народу — не протолкнешься. Слышу говор, шутки. Слышу курсант Зернов, обычно веселый и общительный паренек, стоит в стороне и уныло вертит свою закрутку. Вижу: грустит курсант. С чего бы, думаю. Вспомнил, что недавно раздавали письма. Подошел к Зиминову, разговорился. Действительно, курсант расстроило письмо из дома. Семья его — в колхозе. Живут хорошо, но кое в чем все же нуждается. Выяснил, что листовки, предоставляемые государством семьям красноармейцев, семья Зиминова не воспользовалась. Предложил мне написать докладную на имя полнотрука.

Так и сделал. Докладную передал полнотруку, тот отнес ее комиссару части. Через несколько дней Зиминов примчался сияющий и оживленный. Получил из деревни письмо, в котором сообщалось, что семье предоставили льготу...

Случай с Зиминовым заметил полковник в подразделении. С завлечениями ко мне стали обращаться и другие. Привел курсант Демченко. Уезжая в Красную Армию, он не смог получить на своем предприятии причитающиеся ему сверхурочных. Пошел парок. Очел, а дома... Засел за полнотруку. Через прокурора добился уплаты сверхурочных.

Решил принадлежать к самообразованию. Столько вопросов каждый день задают! Не успеваешь и отвечать. Вышел в библиотеку трехэтажного Ленин — Сталина. Засел за эти книги основательно. Прочел «Подвиги кино», «Хлеба». Попросил разрешения сидеть дома, в деревню Крокозов: там у меня много книг осталось. Привел все равно докладную библиотеку. Селся по койке, увидел кино, возгорился почтять. Охотю да Учел, что специально в библиотеку может быть, куда-то и не пойду, а кино... Зоседа книгу прозвудит, да еще интесерную обязательно прозвудит. Стад пополнить свое книгохранилище.

Из записной книжки заместителя полнотрука подразделения капитана Володина Н-ской артиллерийской части Московского военного округа

И. Зернов.

Скоро чужд ли не весь завод стал обшариваться в моей «публичной библиотеке».

Очень тревожусь за Шаренкина и Селезнева. Большинство курсантов радиозавода не только успевают в политической учебе, а эти двое всегда забывают, отнести групповую толком не могут.

Вчера с Шаренкиным разговаривал как полнотрука:

— Почему отстаете по полнотруготовке?

— Память плохая. Не успеваю всего запомнить.

— А какспект умейте составлять?

— Нет.

— Ну вот я тебе сейчас прочту лекцию «СССР — могучая индустриальная держава», а ты записывай. Выделай самое главное, а остальное старайся запоминать без конспекта. Девять минут длилась лекция. Посмотрел, что записал Шаренкин. Ужаснулся. Он все перепутал. Опять начал разглагольствовать «лекцию». И опять ничего не запомнил. На третий, четвертый раз дело пошло лучше. В результате своего доброго. Шаренкин научился составлять конспекты, усваивать тему, разбирался в заданиях, запомнил содержание политических занятий.

Такую же работу провел и с Селезневом и с остальными в политической подготовке курсантов других взводов: со Смирновым и Демченко. Опять удалось. Бойцы стали хорошо учиться. Чтобы усилить не пропали даром, пригласил к отстающим более грамотных курсантов, рассказал им, как я занимаюсь со слабыми товарищами и как добился успеха.

Иногда приходится поспорить с полнотруком. Я, например, считаю, что если курсант-комсомолец нарушил воинскую дисциплину, то его поступок должен обсуждаться на комсомольском собрании.

А вот полнотруку кажется, что по таким

«пустякам» не следует созывать комсомольские собрания.

Курсант Овчаренко скверно знает материальную часть орудия. Не умеет разбирать и собирать затвор. Путает подбитый механизм с поворотным. Не знает толком, как производится настройка. Я пригласил отстающего Овчаренко более подготовленного и знакомого курсанта Шевченко. В течение двух недель ежедневно справлялся, как работает «шеф» и его «подшефный». И вот Овчаренко вылезает и теперь уже не отстает от других. Этот же метод применил и в радиозаводе. Засел курсант Морозов плохо принимал по радио на слух артиллерийские команды. Пригласил к нему отличника Фурсенко. Тоже две недели следил за ним. Морозов сейчас принимает и записывает значительно лучше. Есть надежда, что будет выполнять задание полностью.

Жалують курсанты на плохую организацию досуга. Один с удовольствием пошел бы в Музей Ленина или в Музей революции, другие ищут возможность побывать на заводах и фабриках столицы. Можно пойти коллективно в театр, в кино, в кино. Словом, предложений посыпалось множество.

Понес к полнотруку: «Давай, — говорю, — помогаю курсантам проводить свой досуг отахла культурно». Долго беседовали на эту тему. Решили известить в лекционной комнате кино запросом: «Что и как хочет провести очередной выходной день» — и по мере возможности удовлетворять желания курсантов.

Так и сделали. Завели книгу, стали доставать билеты в театры и кино.

Оказалось, что у нас есть свои таланты. Молодой командир Соколов — хороший музыкант, а у младшего командира Тетенкова очень приличный тенор. Договорились с ними о создании струнного оркестра. Курсант Соболев здорово рисует. Привлек его к оформлению стенной газеты «Курсант». Недавно наш комсомолец Семенов выбил из 30 возможных 28. А стрелял он перлам раз. Молодец!

Перескани в лагерь. Новые впечатления, новые хлопоты, работы, волнения. Придется повести большую воспитательную работу, чтобы не было самовольных отлучек. А то лес, река и парки соблазняют. Только записал об этом в блокнот, как сообщают: пять комсомольцев опоздали из городского отряда. Оправдываются плохим движением пригородных поездов. Не понимаю, что сделалось с транспортом. Все время ползают за зубами, а тут вдруг стали опаздывать! Созвал комсомольское собрание. Обсуждала вопрос о борьбе с нарушением дисциплины в лагерных условиях.

Прочел в «Красной звезде» о болтунах, разглаживающих военные тайны. Надо обязательно провести беседу с нашими курсантами о том, как надо беречь язык за зубами. Да и одной беседой тут ограничиться нельзя: надо внушить каждому курсанту, как важно бойцам и командирам Красной Армии беречь военную тайну, секретные сведения и беспощадно разоблачать всех болтунов и разглашателей, всех сознательных и несознательных пособников врага.

Подвел предварительные итоги комсомольской работы в нашей школе. За 5 месяцев мы привлекли в комсомол 52 человека. 19 человек комсомольцами для рекомендации даны кандидаты ВКП(б). Я очень доволен, что в комсомол привлек бывших колхозников Морозов, бывший слесарь Смирнов и бывший служащий Нестеров. Хорошие, достойные ребята!

52 за 5 месяцев! А за весь 1937-й привлек только 50. Хороши! Теперь задача — коллективно содействовать отличиям комсомольцам...

Кемандир

С высокого гребня горы открывался широкий кругозор. За «Лысой» горой маячила желтой своєю вершущою высота «Пинк». Выравно отрогом степилась укая извистая хребтина высоты «Безыменной».

За «Безыменной» синяя полоска леса, а за ней, в знойном мареве нольского дня село Михайлово, нити дорог, квадраты пашен и далекая серебристая лента реки.

Скудлый человек в стальном шлеме пристально разглядывал расталывающую перед взором панораму. Иногда он подносил к глазам бинокль, и тогда дальние кустики вдруг становились деревьями, а еле заметная ложбинка превращалась в овраг.

Этот район комбат тов. Иванов хорошо изучил по карте. Данные разведки уточняли расположение «противника». Очевидно было, что передний край его обороны проходит по линии высот «Пинк» и «Безыменной»; очевидно было, что район этот обороняет рота, усиленная станковыми пулеметами и артиллерией. Все это было очевидно. И, однако, всего этого было мало, чтобы принять решение...

Комбат опять начал всматриваться в расположение «противника», взгляд его скользил по скату высоты «Пинк», перешел на «Безыменную»... Он задержался на ней, чтобы проглядеть район вглубь, посмотрел влево и опять ушел взором к «Лысой».

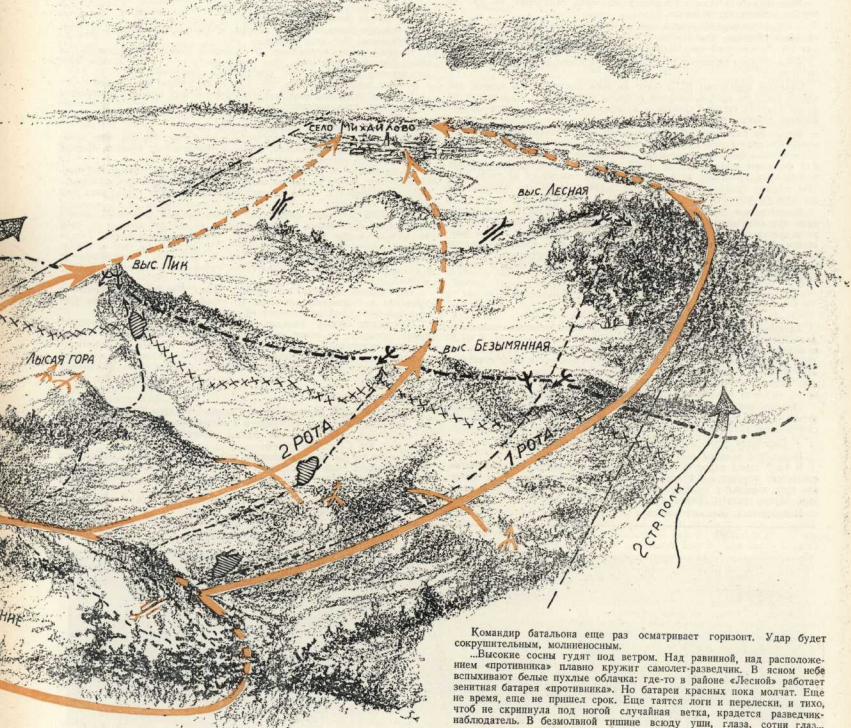
Комбат вообразил, что он там, по ту сторону рубежа. Он представил себя на месте «противника», Это он обороняет район. Это он расталывает огневые точки, намечает взводные районы. Какая удобная местность для обороны! Конечно, там, в районе «Лысой», второй шлодон. Скрытый в лесу, замаскированный складками местности, это резерв для контратаки. Там противотанковые орудия, а здесь, на «Пинке», фланкирующие пуле-

Условные обозначения:

1. Командный пункт комбата.
2. Станковый пулемет.
3. Пушка.
4. Танк.
5. Передний край обороны противника.
6. Проволочное заграждение.

батальона

Командир батальона еще раз осматривает горизонт. Удар будет сокрушительным, молниеносным.

—Высокие сосны гудят под ветром. Над равниной, над расположением «противника» плавно кружит самолет-разведчик. В ясном небе всплывают белые пухлые облачка: где-то в районе «Лесной» работает зенитная батарея «противника». Но батареи красных пока молчат. Еще не время, еще не пришел срок. Еще танки лежат и передекают, и тихо, чтоб не скрикнула под ногой случайная ветка, крадется разведчик-наблюдатель. В безмолвной тишине всколу уши, глаза, сотни глаз...

Командиры приходят почти все вместе. Одна дружная семья. Молодые, мужественные лица.

Командир батальона коротко знакомит всех с приказом командира полка. Карандаш скользит по карте: сведения о «противнике»... соседи... задача батальона... отдельные задачи подразделений... Необходимо продумать взаимодействие с приданной техникой: учесть работу артиллерии, дать ей задачу, организовать огонь станковых пулеметов, целесообразно использовать танки, всю огневую мощь стрелкового оружия. Начальник штаба проверил на картах командира подгруппы поддержки пехоты (ПП) и командира танковой роты исходное положение батальона. Оно на тыльных скатах «Меловой» горы.

меты. «Конечно, только так мог расположить свои силы «противник», только так расположил бы их и я...»

Комбат снимает каску и отряхивает рукой потный лоб. Начальник штаба разглядывает карту. Комбат улыбается и, прикладывая карту, говорит:

— Удар будем наносить правым флангом. Вторая и третья роты сковымают «противника» с фронта, а первая рота наносит удар по «Лесной». Видите «Лесную»? Это там... Вызовите командиров.

Начальник штаба красным карандашом отмечает на карте направление удара. Красная стрела выматывается в «Лесную», в тыл «противника», угрожая его сообщениям, отрезая район от Михайлова.

Комбат дождался конца сверки карт и спросил, какую задачу получила артиллерия от командира группы поддержки пехоты. Затем коротко указал пути наступления рот.

— Вышлите к 17.00 отделения связи батарей, поддерживающих роты.

Начальник подгруппы отметил это в полевой книжке и повторил приказ.

— Хорошо. Теперь танки,— продолжал комбат, обращаясь к тому же командиру подгруппы, но поглядывая на командира танковой роты.— Первый взвод танков поддерживает первую роту, второй — вторую роту. Третьему взводу сначала подавать огневые точки войскам, на скачках «Безмятежной». Затем взвод переключается на поддержку пехоты второго звена. Артиллерия поддерживает атаку танков огнем по противотанковым орудиям «противника». Ясно?

— Ясно!

Командир батальона взглянул на часы. Мысленно он уже на втором рубеже «противника».

— Для поддержки танков при прохождении переднего края «противника» назначено два орудия ПА (полковой артиллерии) и два орудия БА (батальонной артиллерии). Секторы их огня...

Снова головы склоняются над картами, и снова взоры устремляются на горизонт.

Командир подгруппы (ПП) берет на себя важную часть задачи: подавать средства противотанковой обороны «противника». Его начальник штаба уточнил секторы обстрела и через сорок пять минут вручил комбату таблицу огня.

Командир подгруппы, бегая стеклами очков, поворачивается к танкисту. Он задает ряд вопросов и получает ясные ответы.

— Рота,— танкист показывает на местность,— выстутит в 18.00 и у переднего края будет в 18.07. Огневые точки — первая, вторая и третья (их выделит, пока все командиры отметят их на своих картах) — будут подавлять; в промежутке будут сделаны два прохода для рот первого звена...

Кажется, все. Комбат посмотрел еще раз на часы. Прошло двадцать минут, почти полчаса. Но этого времени не хватало. Вель устал, устав, в котором каждое слово глубоко продумано маршалом Климом Ворошиловым, подчеркивает, что роль командира батальона в организации взаимодействия пехоты с артиллерией и танками является в наступательном бою исключительно важной и решающей для успеха атаки.

Батальон занимал на склонах «Меловой» горы исходное положение для атаки. Нежное безоблачное небо тускло переливалось закатом. В 17.30 началась артиллерийская подготовка. Она длилась сорок минут. Артиллерия громила передний край обороны «противника». В 18.00 с «Меловой» горы, с командного пункта командира батальона, взвились цветные ракеты, и пехота поднималась. Начали стрельбу станковые пулеметы; загудели моторы танков, готовившихся к бою.

Под ураганным огнем «противника» пехота залегла и стала оккупываться. Танки прошли над окопами своей пехоты за три минуты. Со своего наблюдательного пункта Иванов отдал приказ:

— Перенести огонь с переднего края по второму рубежу.

Вспыхнула зеленая ракета.

В 18.07 танки подошли к переднему краю обороны, подавая огонь станковыми пулеметами. Огневой шквал, до того бушевавший на переднем крае, перешел в глубины расположения «противника». В небо залетели черные ракеты. Радио дублировало сообщение ракет.

Наблюдатель должен сообщить:

— Противотанковое орудие, замаскированное в лесу, подбило один танк.

Иванов передал по радио приказ командиру ПП:

— Огонь по орудию!

Затем последовало приказание минометам:

— По артиллерийскому наблюдательному пункту противника, который обнаружил себя блеском стекол стереотрубы, огонь!

Левифланговая рота не сумела использовать успеха танков. Она отстала. В бинокль видно, как она залегла, скоплась, укрывалась от танков. Командир батальона исправляет положение. По радио он приказывает командиру ПП:

— Связаться с командиром танковой роты, направить взвод танков на пулеметы, flankирующую пехотную роту.

Приказ выполняется. Танки подавляют пулеметы «противника». Рота поднимается с криком «ура» в атаку. И комбат переводит свой бинокль в другую сторону.

Где первая рота?

В окуляре бинокля скаты высоты «Безмятежной». Малый кустарник. Овражек. Нет, его правее... И там, правее, в долинах подножья высоты «Безмятежной», видны бойцы первой роты. Они карабкаются по склону, лучшие физкультурники батальона. Они отбьют «Безмятежную».

Комбат мысленно с ними. Ну, еще сюда, правее, еще правее...

Но движение вперед замедляет. Огонь станковых пулеметов встречает героическую роту, пригибает ее к земле.

Комбат ищет в бинокль этот пулемет. Первый раз за этот день дрогнули роты. Где этот пулемет? И где танки?

Танки ведут фронтную атаку на переднем крае. Из горючего тумана слышат по «Безмятежной». Земля сотрясается от взрывов. Солнце заволакивается плотной пылевой завесой.

Снова приказ по радио. И два танка меняют курс и идут вырывать первую роту. Через несколько минут пулемет «противника» смолкает. Бойцы поднимаются. Ветер доносит отдаленные крики «ура»: рота уже штурмует «Лесную».

Командир батальона смотрит на часы. Прошло только 30 минут. Артиллерия бьет теперь заградительным огнем по лощине у села Михайловка, чтобы помешать подходу резервов «противника». Густая пелена пыли висит над долиной. Вторая и третья роты уже на переднем крае...

Контратака «противника» с «Лесной» «захлебнулась» в самом начале, напорившись на огонь станковых пулеметов с высоты «Пяк».

«Противник» окружен, «противник» разбит. Кое-где еще вспыхивает ружейная и пулеметная стрельба, ностройной системы обороны уже не существует. Вой распыляется на отдельные взводы...

Начальник штаба «сдвигает» карты. Батальонный командный пункт переходит на новое место. Запыленные связисты тянут провод полевого телефона. Бой будет продолжаться в глубине расположения «противника», батальон будет решать дальнейшую задачу, и нужно спешить, чтобы там, в новой обстановке, окончательно разгромить «противника».

Нарком обороны, первый маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, так определил роль и место пехоты в нашей армии:

«Пехотные войска Красной Армии заслуживают того, чтобы ими гордились все Советская страна.

Сколько бы мы ни имели танков, авиации и прочих новейших средств борьбы, пехота пока-что остается основным родом войск. Без пехоты ни tanks, ни авиация, ни конница решить полностью задач сражений и войны не могут...»

Какая высокая честь быть командиром пехотного соединения, потому что право решать тактические боевые задачи!

Выставка «XX лет РККА и Военно-Морского Флота»

С. Зелькина.

Прован польского фронта 1-й Конной армии (1920 год).

Зал исторического отдела.

ПО ЗАЛАМ МОРСКОГО МУЗЕЯ

Л. ЛАРИОНОВ

Ленинград... Старинное здание Адмиралтейства на левом берегу Невы. Здесь, под сводами узких длинных зал, размещены экспонаты одного из интереснейших музеев нашей страны.

Через год исполнится уже 230 лет, как существует Центральный военно-морской музей. Он был основан по инициативе Петра I в 1709 году.

Когда бынаешь в этом Музее, испытываешь особенный интерес к изучению героического прошлого нашей родины, ее многовековой борьбы за свою независимость и свободу. Русский флот внесла немало блестящих страниц в летопись этой борьбы.

Шведы при поддержке немцев и англичан в течение столетий были главными претендентами русских на берегах Невы, Балтийского моря и у вод северных окраин нашей страны. К концу XVII века они совершенно оттеснили русских от выходов в Европу через море, насильно захватив всею принадлежавшие нашим предкам порты Балтики и прилегающие к ней земли. Нужно было «прорубить окно в Европу» для того, чтобы русский народ имел возможность более успешно развивать свою экономику и культуру. Эту историческую задачу русский народ решил в эпоху Петра I. Перва Петром I стояла задача: оторвать границу России от крымских татар, которых поддерживала Турция, предотвращая шведской интервенции и сближения с Западной Европой.

Присутая к осуществлению своего грандиозного плана, Петр I прежде всего проявляет заботу о строительстве вооруженной силы на море. Еще будучи юношей, он писал: «Всякий государь, который только сухо-

путные войска имеет, одну руку имеет, а другой и флот имеет, обе руки имеет».

В Музее хранится модель военного корабля, сделанная самим Петром.

Начав свое плавание в 1688 году на стареньком ботике по грязному Проспаному пруду в Москве, Петр I приблизился, в конце концов, к широким морским просторам. К весне 1721 года Россия под его руководством уже была сильной морской державой, имея 27 мощных линейных кораблей, 12 фрегатов, 3 бомбардирских корабля и около 170 галер. К этому времени в списке славных подвигтов русского флота уже значилась победа над шведами под Нарвой, разгром основных морских сил Швеции у полуостровов Гангут и, наконец, поражение противника России при Гроггале 27 июля 1720 года, после которого король Швеции уже не мог больше сопротивляться и вынужден был заключить мир на таких условиях, какие продиктовал ему Петр I.

Проходя сквозь темные ряды многочисленных драгоценных моделей кораблей, минуя разложенные в витринах и развешенные по стенам боевые реликвии прославленной петровской эпохи, посетители переходят в следующий раздел Музея. Все останавливается перед художественным полотном, изображающим пылающую в огне массу старинных высокооборотных судов. Это знаменитый русский бой.

В июне 1770 года небольшая русская эскадра под командованием А. Орлова встретила в Эгейском море, у Хиосского пролива, с мощным турецким флотом. Своим героизмом, проявленным при этой встрече, русские

морские вписали новую незабываемую страницу в историю отечественного флота.

В ряде следующих зал отражены победы русского флота в бою с турками в октябре 1827 года при Наварине, затем в ноябре 1853 года под Синопом, мужественная защита Севастополя от соединенных сил Англии, Франции, Турции и Сардинии в 1855—1856 годах и др. Посетители Музея особенно долго задерживаются перед экспонатами и документами, рисующими ту беззаветную храбрость и отвагу, которую русские морские проявили в боях с Японией в 1904—1905 годах.

* * *

Взволнованно осматривает посетитель залы, посвященные участию моряков в революционном движении и истории Красного Флота.

Три зала посвящены восстаниям во флоте 1905—1906 годов. Известно, что Владимир Ильич Ленин принял огромное значение восстанию на броненосце «Потемкин».

В витринах многочисленные документы, рисующие тяжесть боя моряков при царском строе, их революционные настроения. Портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина. Фотографии руководителей восстания в Черном море: Матюшенко — на «Потемкине», лейтенанта Шмидта — на крейсере «Очаков».

Под картинами витрина с личными вещами Шмидта, и под столем красный флаг с инициалами «Свердлов», на котором Шмидт 15 ноября ободол Черноморскую эскадру...

Мировая империалистическая война 1914—1918 годов. Русский флот количественно значительно слабее германского, но верерная флоту защита Петербурга вымолвлена. Блестящая постановка миш заграждения преградила

дорогу германскому флоту с первых же дней войны.

Закончились боевые операции на Балтике знаменитым Моонзундским боем, тянувшимся с 11 по 19 октября 1917 года. Мужественно сражались моряки Балтики, защищая страну от попятки немцев империалистов закабалить русский народ. Победы в этом бою был преругажд путь немцам к революциию Кронштадту и колыбели революции — красному Питеру.

Наступили дни Великой Октябрьской социалистической революции. Десят морских, пришедший из Кронштадта и Гельсингфорса, после исторического выстрела с крейсера «Аврора» вместе с красногвардейцами и революционными солдатами берёт Зимний дворец.

Престский мир. Грозные дни. Основные силы Балтийского флота: все лайнеры, крейсера, миноносцы — зимуют в Ревеле и Гельсингфорсе. Немцы пытаются захватить героический Красный Флот. Надо сказать суда. Но как быть, если все суда законны льдом? И вот под руководством большинства партии моряки Балтфлота сквозь льды Балтийского моря, в морозную зиму, преследуемые немцами, пробираются к Гельсингфорсу в Кронштадт. Этими судами (было спасено более 200 различных боевых единиц), в том числе все линейные корабли) моряки Балтики защищали от многократных вражеских подступов к революционному Петрограду. Многие из спасенных кораблей были переданы по Маринской системе на Волгу и создали основу славных Волжской и Каспийской флотилий.

Годы гражданской войны. Моряки Балтики и Черного моря сражаются против интересов и безогордцев не только на водных просторах. Они несут. Их можно встретить в передовых рядах летчиков и кавалеристов, среди артиллеристов и летчиков-красноармейцев. Моряки вооружают баржи, колесные пассажирские пароходы, создают Днепровскую, Онежскую и другие флотилии.

Оставшиеся на Балтике моряки вместе с доблестной Красной Армией участвуют в разгроме первого и второго походов Антанты на Петроград. В борьбе с молодым Красным Флотом английские интервенты терпят в водах Финского залива 16 кораблей!

Весною 1919 года на Петроград наступала белогвардейская армия генерала Юденича. Одновременно вели свою подпольную работу контрреволюционеры, пробравшиеся в штаб заданного фронта и в кронштадтскую морскую базу. Пала морская крепость «Красная горка», преданная изменникам советской родины. Партия посылает товарища Сталина возглавить оборону Петрограда. Великий соратник Ленина блестяще выполняет боевое задание.

Посетители Музея с восторгом перечитывают дошедшие товарищу Сталину В. И. Ленину, вешенные в одном из залов Музея:

«...Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» — море — опирается на всю морскую науку... Быстрей взятие «Горки» объясняется самым крупным вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, дошедшими до отмены приказов по морю и суше и навываливания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. Сталин!».

В августе 1919 года отряд английских торпедных катеров совершил налет на Кронштадт. Красные моряки достойно встретили непрошенных гостей. З катера были потоплены огнем «Гарвилла». В зале размещены части обгоревшего торпедного катера. Здесь же можно увидеть огромный осколок снаряда с английского монитора «Эрибус», обстрелянного «Красную горку» 27—30 октября 1919 года.

Закончилась гражданская война.

Золотыми буквами выгравированы на мраморных досках постановления X съезда РКП(б) от 21 марта 1921 года и IX всероссийского съезда советов в декабре 1921 года о восстановлении и вооружении Красного Военного Флота.

¹ К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 20. Изд. 1937 года.

Для флота нужны кадры. Многие из старых моряков не вернулись с фронтов: они беззаветно отдали свои жизни за светлое будущее своей родины. V съезд ленинского комсомола в октябре 1922 года принимает шедевр над флотом.

Этот исторический факт запечатлен в картинах, в газетах, выставленных в витринах, а многочисленных поставленных комсомольских организаций, письмах и др.

В 1924 году «Аврора» и «Комсомолец» идут в первое заграничное плавание. В 1925 году проводится первое морские маневры Балтийского флота под флагом наркома М. В. Фрунзе. Вот модель «Марата». Под стеклом флаг М. В. Фрунзе, который развевался на мачте флагманского корабля.

Растет и крепнет Красный Флот. Под руководством наркома К. Е. Ворошилова закаляются новые кадры, сумевшие героически проявить себя в боях на реке Сунгари, под Лягуаску и Функином, осенью 1929 года, где они наголову была разбита белоэстонская флотилия. Не удалось японской военнице провозгласить, затевая для того, чтобы захватить Советский Дальний Восток!

Забываясь большевистской партии, советского правительства, лично товарища Сталина созданы Тихоокеанский и Северный флоты. Модернизированы и усилены вооруженные

силы на Краснознаменной Балтике и Черном море. Оснащены новой техникой флотилии Мурманск, Каспийская и Днепровская.

* * *

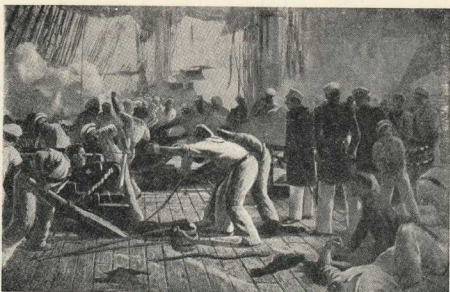
На первой сессии Верховного Совета СССР первого созыва 15 января 1938 года было постановлено создать новый наркомат — Военно-Морской Флот.

Выступивший на этой сессии председатель Совнаркома СССР тов. Молотов сказал: «У могучей Советской державы должны быть соответствующий ее интересам, достойный нашего великого дела, морской и океанский флот».

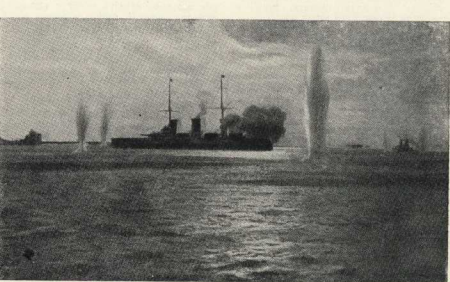
Заключивая объяснения посетителям Музея, экскурсовод подходит к электрифицированной карте Советского Союза. Нажимает рычаг. Карта всплывает сотнями огней фабрик, заводов, МТС, гидроэлектростанций... Вот она, наша социалистическая родина! Вот она, обильная и богатая, могучая и счастливая страна!

Вокруг карты вьется красная огненная змейка, показывающая, где проходит гигантская линия морских и сухопутных границ СССР.

Эти границы священные и неприступны. Они надежно охраняются Красной Армией и Красным Флотом!

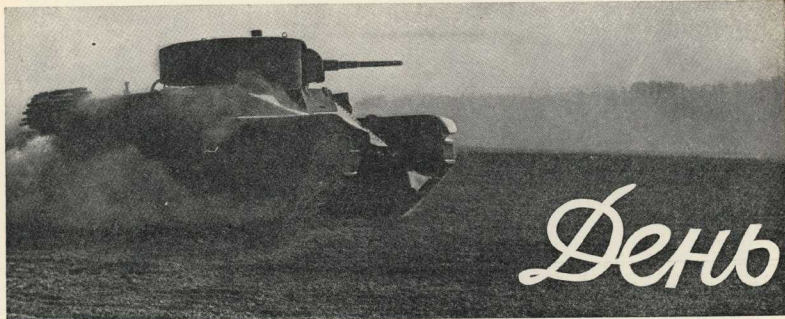

Синовское сражение. Палуба флагманского корабля адмирала Нахимова (18 ноября 1853 года).

Обстрел итежной Красной Горки линкорами «Петропавловск» и «Андрей Перовский» 13 июня 1919 года.

© картины художника Вудякова.

Летит

В. ВИКТОРОВ

Когда, выкрадиво покачиваясь на рывтках, из-за угла вынырнул танк, полкомроты Федор Дудко не сдвинулся с места. Приложив ладонь штурком к зорким серым глазам, он смотрел, как смерчем крутятся пыль за танком. Даже отсюда, издавкая, Дудко видел все: на какой скорости идет машина, как водитель не успевает рычаг и танк подпрыгнул на большом ухабе.

Дудко отвечает за безупречную готовность машин. Он часто приходит сюда, на танкостроим, убедиться, что все в порядке. Но сегодня к будничному, привычному чувству делового беспокойства прибавилась еще тоска по родной машине. В свое время водитель Дудко управлял рычагами этой машины. Потом Дудко засел за учебу. Он сдал экзамены, получил звание воентехника второго ранга и по два кубина в черные петлицы... А все же его тянуло на свою машину. Хотелось по команде метнуться к танку, прыгнуть и спрятаться в хорошо выкрашенной, по плечу сдвинутой водителю кабине. Но теперь на его машине работает унтер Павел Дорохин.

Дудко кивнул головой Дорохину, чьи всеслушательские щеки выдвинулись в узкой прорези люка, подняв маленькую крепкую руку — и танк послушно остановился перед ним.

— К танку! — раздалась злая команда.

Внезапно из глубины брони выскочили бойцы, словно их выбросил из скрытой внутри танка катушечкой.

— Осмотреть танк!

И в то же мгновение в только что пустых руках появились молотки. Каждый выстукивал и выстукивал свой участок машины.

Пришел командир роты. Он дал экипажу оперативные учебные задания:

— Противник держит оборону, опасаясь на железнодорожное полотно и совхоз «Красная Лука». Разведка врага выслана вперед. Противник располагает огневыми точками, противотанковой батареей. Наши танки должны посылку с задачей пробить проход для движения батальона. Боевой курс головного танка по следующим ориентирам: дорога, кирпичная стена, лес.

Танкисты смотрели вперед, туда, где в полях, переделках, бологах слова командира прозвучали боевой курс.

— Просмотреть машину!

И снова зазвучал глухой, лишенный эха, голос брони. В следующее мгновение, почти одновременно с отрывистой командой «по местам!», люди метнулись к танку. Прыжок — и нет никого. Только в локе мелькнул синий комбинезон артиллериста.

Радует Иван Алатырев выгнанным из центральной башни. С того дня, когда он, неуложие цепляясь за выступы, впервые вскарабкался на танк, его неизменно охватывало чувство великой гордости, стиснуло лишь ему сплутиться в недра боевой машины. Здесь, где тело везельно сжималось, чтобы занять как можно меньше места, Алатырев чувствовала себя солдатом.

Окинув взглядом опаленную солнцем, дымящуюся землю, он взгляделся в прохладную еще глубину танка. Пята Чугунов, артиллерист, сидел на своем высоком сиденье и, поглаживая ствол орудия, улыбался ему...

Вот он, боевой уют танка. Недра машинки слегка подвывают бензином, копеей, сталью. В этом крошечном бронированном мире, когда придет время, люди будут биться по-настоящему, поддерживая друг друга, работая почти вплотную, каждый у своих механизмов, сливаясь воедино с войей, мужеством с мужеством, бесстрашием с бесстрашием.

Глазко домсала команда. Танк вздрел и, мотко раскатываясь, двинулся вперед. Алатырев покрепче натянул шлем с наушниками и включил радио. В танке ворвался рокот пространства. В тесной башне, где, как ни сидишь, всегда будешь чувствовать прикосновение массивных бочок брони и плечи товарища, свободно хозяйничали радиоволны.

В грохочущей тишине танка раздался голос радиста: «Даа, четыре, шесть, восемь, десять».

Внешний мир сузился до размера боевых шелев: клочок неба, клочок земли. Только командир танка, сидя у оптического прибора, видит полноразмерно все вокруг себя. (Командир — невеселый спокойный человек, платник по профессии. До армии он работал на судостроительных верфях на Волге.)

Танк кесса вперед. Дудко, сидя рядом с командиром машины, прислушивался к рокотам. Слегка покачивался, как при мертвой зыби в море.

— Внимание! — раздался голос командира танка. — Справа по противнику огонь!

Алатырев вложил в орудие снаряд, и Чугунов дал выстрел. (Еще восемь минут назад этот воином не умел стрелять из пушки: он был учеником пекаря и весь день возился у пышащей отпечи русской вепчи.)

Радует Алатырев, по боевому расписанию, не только командует радиоволнами, но и подает снаряды для орудия и бьет из пулемета. Бесной Иван Алатырев получил еще одну

нагрузку. Командование выдвинуло его пономщиком полктура. (По национальности Иван Алатырев — мариец. Ему двадцать четыре года. У себя в селе вступил Алатырев в комсомол, был одним из лучших колхозных бригадиров.)

Волнстый простор танкостроима, ирезанный, измятый гусеницами танков, похож на испанское поле. На всем протяжении его нельзя найти ни одного клочка залежавшейся земли.

Танк мчидся по заданному курсу. Уже далеко позади осталась кирпичная стена. Разстрелена разведка «противника», подавлена его огневая точка. Вот уже Алатырев сообщает по радио, что путь батальону открыт. Командир дает команду снизить скорость...

Остро прищурив глаза артиллериста. Взамком комбинезон на спине водителя. Беззвучно шепчут губы радиста слова шифрованной передачи. Люди работают у аппаратов. Незаметно летит время. Минута здесь равна часу. За час унтерный люк устает, как за добрых восемь часов.

По пути домой командир дал отбой. Танкисты, разминная затесшие ноги, выпрыгнули из машины, асвещенное золью танкостроима. Когда люди отдохнули немного, на место водителя сел Дудко. Машина у него шла в каком-то особом ритме, раскатываясь из стороны в сторону, мотко кружась, словно застрявшая на глубоких рывтках. Только взгляд из люка на мелькающие, как частотой, сосны, можно было догадаться, с какой высокой скоростью мчидся танк.

Шесть лет прошло с того дня, когда Дудко впервые сел на место водителя. Когда танк двинулся с места, он думал только об одном: что надо сделать, если танк вдруг остановится. Ему все казалось, что он про что-то забыл, и он вел танк, бороча про себя правила исправления допущенной фрикциона и раскатывающего подцилиндра.

Потом появились новые машины. Танкиста поразили великопие механизмы, на которых можно было, казалось, в небесах летать. Но для танков были установлены определенные ограничения. Запрещалось, например, переходить канавы, ширина которых превышала поперечную длину корпуса танка. Запрещалось для танков быть установленными определенные ограничения. Запрещалось, например, переходить канавы, ширина которых превышала поперечную длину корпуса танка. Запрещалось для танков быть установленными определенные ограничения. Запрещалось, например, переходить канавы, ширина которых превышала поперечную длину корпуса танка.

Дудко первым среди бойцов почувствовал, какие возможности скрыты в новых машинах. — Шестилетним ребенком потерял он отпа, рабочего сахарного завода. Старший брат ушел воевать с денкинами на Красном бронепоезде

На танкодроме

«Тарашеня». Мальчик остался один и разледал судьбу многих детей, потерявших родителей в боях гражданской войны,— стал беспризорником. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, Дудко устроился учеником слесаря на одном из заводов Ворошилограда. Там он и вырос, вступил в комсомол, был принят в партию. Однажды он посетил Музей Красной Армии. Рось в фотолыжах, Дудко наткнулся на старенькую, выцветшую фотографию. Пять человек в запатентованных гимнастерках и буденовских шапках стояли у самодельного броневика. Он узнал старшего брата. В строгах залах Музея над старенькой фотографией повисла комсомольская Федор Дудко отдал все свои силы родине, во славу которой погиб его брат Павел.

Целый год, практикуясь в походе, на маневрах, Федор Дудко проверял машину. В 1934 году он подполковнику командованию устроил испытание, на котором брался доказать, что мощность танка не используется и бесполезна. Схватились на испытание известные танкисты страны, военные инженеры, высшие командовании. Танкодром был специально изрыт широкими канавами, рывными, ложбинками...

Дудко двинул машину и, высунувшись, помахал товарищам. Все его тело напряглось, танк мчался на предельной скорости и вдруг, едва коснувшись края широкого яра, легко переделал на ту сторону.

По теории, танк должен был плавно ударили о землю, но, к общему удивлению, Дудко умело поймал машину на тормоза и плавно двинул ее вперед. Раздался людской восторг как в театре. Танк вessa на следующее представление, проехал его и опять целым и невредимым двинулся дальше...

Так открыл рядовой водитель танка комсомолец Дудко неисчерпаемые резервы мощи и скорости, таившиеся в этой замечательной машине. Так он стал одним из первых стажеров Красной Армии.

Четыре года проработал Дудко за рычагами и ни разу не застрял ни в раскоч, ни в явах, ни в болота. Однажды, на маневрах, для танка Дудко искусными саперами были построены непролазные скалы.

— Ну, здесь и в этот не проедет!..— говорили постредавки.

А Дудко ворвался в эти хаос из канав, прошел его навскось, а за ним прошли и остальные машины. Он знал, что задание должно было выполняться. За операцией следил первый маршал, имя которого нес его танк...

Боевой день танкистов подходил к концу. Танк возвращался. Зеленовато-желтые бока его были засыпаны землей и клочьями молодой травы. Откинулся верхний люк, показался командир, спрыгнул вниз радостно и, закрывая рукой бровь, ни на кого не глядя, появился артиллерист Петья Чугунов.

Товарищи, глядя на Чугунова, еле сдерживали улыбки.

— Что это у вас?— спросил командир роты. — Да так, ничего... немного бровь помыл...— ответил Чугунов.

У танкистов синик или садина на теле— пошар. Это значит, что танкист еще не чувствует машины, не умеет сливаться с бровей. Опытный боец угадывает толчок в тот момент, когда тело еще может напрячься и сморгнуть удар. Вот почему улыбаются товарищи, глядя на смущенного артиллериста.

Солнце скатывалось к краю танкодрома. Машины ушли в парк. Там, без различия положений, закатил рукава комбезников, принялся за чистку танка весь его экипаж.

Дудко до позднего вечера будет возиться у машины. Он знает, как себя чувствует каждый винтик в каждом танке. Ничто не ускользнет от его глаз. Танкисты знают: если болит танк, болит Дудко. Он не отойдет от машины, пока все не будет исправлено.

Он обладает каким-то особым чутьем машины.

Однажды на маневрах произошел такой случай: танки шли по дороге. Головному командирскую машину вел Дудко. Все давно привыкли к тому, что танк Дудко никогда не имеет вынужденных остановок. И вдруг Дудко дал тормоз, выскочил из кабины и начал осматривать мотор.

— В чем дело?— спросил командир, выскочив из люка.— Чего стали?

Дудко выпрямился и сказал: — Не нравится мне один шумок в моторе. Разрешите осмотреть.

Через несколько минут он надувал рычажок, который требовало срочного ремонта. Этот рычажок мог бы проработать еще несколько часов, но в конце концов вывел бы мотор из строя.

Закончив работу, танкисты собрались в сторожке перекурить. На зеленом склоне сидели кружком, перекидывались короткими фразами. Кто-то спросил, что сегодня в газетях.

— А вы читали «Вечер в Кузнецовых Мишах Кольцова»?— спросил младший командир с соседнего танка.

Он славился в части как лучший знаток испанских дел и страстный собиратель всех герценских эпизодов, а в особенности эпизодов, связанных с безстрашной работой республиканских танкистов.

Выяснилось, что читал очерк Кольцова только один командир танка.

— Эй вы, чтецы-декламаторы!— с усердием сказал младший командир.— Вот послушайте-ка,— и он вытаскил из бокового кармана гимнастерки аккуратно сложенную газетную вырезку.

Он начал читать, неспешно, слегка записывая на трудных, незнакомых названиях: «После боя у Лас Росас Махалаолины наступило некоторое затишье. Танкисты отодвинули и на отдыхе устроили роскошные празднества. Они пригласили к себе гостей...»

Комсомолец-танкисты: бывшие плотники, пекари, слесари, кузнецы, колхозники— слушали раскоч, но том, как вечером после боя отыскались в «Кузнецовых» бывшие торрерады, женевские насочишны, сарские утконосы и кастильские крестьяне— танкисты-ресульцианы.

Экипаж сидел кружком на траве. Каждый думал о своем и а то же время об одном. Пулеметчик напряженно угасался в одну точку. Его поролано трепетное и простое описание гибели танкиста Класуса, вышедшего из танка, чтобы натравить гусеничную передачу на танка, чтобы натравить гусеничную передачу на танка, чтобы натравить гусеничную передачу на танка. Артиллеристу хотелось повидать пятнадцатидневного танкового артиллериста Ирмингия из деревни Гальмагар. Командир думал о будущих битвах с фашистскими орданами...

Подозлил водителя других танков, командир танка. А младший командир читал о том, как задумчивый серб Борисла, командир пивода, вселенный наш Дальный Восток, как он сказал, глядя на солдаты кастильские звезды: «Иногда земли не бывает... Там такие места есть, называется «тайга». Там себе: перелески, болота, вараги... А вот люди, которые там живут, они эту землю ни на каузу другую не поменяют. Нравится оно им...»

Чтец кончил, аккуратно сложил газетную вырезку и спрятал ее в карман. Танкисты молчали, а потом один из солдат кастильские звезды: «Иногда земли не бывает... Там такие места есть, называется «тайга». Там себе: перелески, болота, вараги... А вот люди, которые там живут, они эту землю ни на каузу другую не поменяют. Нравится оно им...»

Да, плохой земля у нас нет. Иногда видеть танк и думать, как бы так пройти, чтобы земля эта не изменила, не исковеркала. Вьд наша это земля!..

Насупенный Перчук, не отвечая на распросы товарищей, влез в машину и сел прямо в кабину, вставшего в смотровую щель новое стекло-триплекс: — Все коваритесь! На скоту ехать — собак кормить. Нет того, чтобы все подожать заране, как у людей. Даво вам десять минут на завраку.

Тяпиксты переглянулись: «Видно, здорово подало нашему командованию от капитана».

Танк долго блуждал по лесам, пока не добрался до поляны, на которой была оставлена испортившаяся машина. Перчук оставил танк и, пачка полей на дереве. С дерева Перчук увидел, что в соседней лес ступилась растрепанная часть японцев. Прицепить танк к своему и увести его к батальону было рискованно. Расстреливать жалко. Бросить машину нерасстрелянной — исказ.

— Как же быть с ней? — кричал Перчук. — Вот что, ребята, была не была, отбуксируем.

Они прицепили испорченный танк к своему. — Одним словом, трамвай с прицепом, — сказал потный водитель. — А теперь, товарищ лейтенант, пора бы домой: туман подымается...

— Сейчас пойдем обратно. Ты выводи машину к той вон дороге, а я еще разок погляжу...

Перчук скинул тяжелый шлем, ползая на руках и спиной полз на дерево. Неожиданно разлился шум мотора: какая-то машина шла напрямком по лесу.

«Наши наступать здесь не станут», — сообщила Перчук, — это японцы.

Он быстро скатился по стволу, обирая руки и парывая лицо. Машина врага была близко. Перчук вынул шпатель и встал за толстое дерево. Он видел, как дрожали верхушки деревьев. Перчук прыгнул к дереву и зажал дыхание, как будто его могли услышать сквозь грохот и треск, который поднимал японский танк, продвигаясь по лесу. У дерева, за которым стоял Перчук, танк подтормозил, очевидно, готовясь к повороту.

Танк шел так близко, что можно было тронуть его рукой. Люди были наглухо загра-

ны. Перчук вышел из-за дерева и очутился за спиной вражеской машины. Неожиданно для себя он кинул прыжок вперед и, делаясь за антенну, вскарабкался на танк. Крова ударил в лоб. Перчук не знал, что делать: те перы голыми руками танк в плен не возьмешь. Перчук лежал, прижавшись к броне, а сзади, персонализась, шел к дороге. «Из дорожки — наша машина... сейчас японцы увидат ее...» — мелькнуло у Перчука. Он схватил шпатель и закрыв смотровую щель водителя. В танке зашумелись. Кто-то притертел шток и приподнял лбом шпатель. Перчук сузил в щель нагн и выстрелил. Шток быстро заглохнул, и Перчук опять выкинул на него шпатель... Изза кустов выскочила наша машина, наводо орудие. Перчук встал по весь рост, прижавая ногой шпатель. Экипаж растерялся, увидев своего командира, оседлавшего чужой танк, но не знающего, что же с ним делать.

— Бей прямой наводкой, — крикнул что есть мочи Перчук. — Бейте, вам говорят! Не гляди на меня.

Он быстро лег на обратной стороне танка, продолжая придерживать шпатель. Он увидел, как наклонилось дуло орудия и волна звуков ударила и подхватила Перчука. Грохот и шум ворвались в уши, он хотел что-то крикнуть, Артиллерист, давая залпами подбивший японскую машину, уже бежал к ней, держа в руке гранату. В танке все стихло. Артиллерист подбежал к Перчуку: тот лежал оглушенный, но ран не было.

— Пойди, Ван, посмотри, что там в машине. Разоружите ее и скорее к себе, в расположение роты, — тихо сказал Перчук. Через несколько минут к нему подошел водитель.

— Машина оказалась с начинкой, — он протянул командиру два толстых пакета, запечатанных сургучом.

Это были важные документы. Проклам штаба Ляньчжэской армии... Какие-то сводки и донесения. Тетрадка с шифрами. Карты, сплошь усыпанные условными знаками...

...Несколько часов спустя Перчук стоял пе-

ред Поголенко и заканчивал свой рапорт: «Мы привели свой танк. Подорвали японский. Достали документы, найденные у офицера...» Дмитрий горно поблагодарил Перчука и послал его отдохнуть.

ВОЙНА НЕ КОНЧЕНА

Танки тронулись добывать врага. Машины быстро мчались по узенькой дороге. Солнце, стоявшее в зените, грело совсем по-летнему. Когда головная машина проходила деревянным мостом, раздался глухой удар. «Взрыв... фугас». Дмитрий выскочил на дорогу. «Оборачивались победе и поторопились». Машина лежала на боку...

К вечеру главные силы врага были уничтожены. В этой схватке разорвавшейся гранатой был ран Дмитрий.

... Он лежал в светлой палате госпитали в большом краевом городе.

— К вам пришли, — улыбался, сказала Дмитрию сестра.

Он ничего не ждал и с удивлением поглядел на нее. В палату вошел командир.

— Поздравляю вас, майор Поголенко, — сказал командир, делая ударение на слове «майор». — Правительство присвоило вам звание Героя Советского Союза. Народный комиссар лично поручил мне передать вам, что он от души поздравляет вас и желает поскорее поправиться. А когда вы «отремонтитесь» посетите в Москву, в Кремль, к Михаилу Ивановичу за орденом...

Командир провел с Дмитрием весь вечер. Он рассказал Дмитрию, как в день боя наши части отбили еще пять налетов от Михайловского до Сахалина и Кавказки, как теперь пытаются объяснить налет будто бы самоначальными действиями некоего буферного государства. Но война не кончена. Надо попрежнему быть начеку.

Дмитрий поднял свои светлые глаза и двумя увеличенными пальцами взял руку командира. Говорить он не мог...

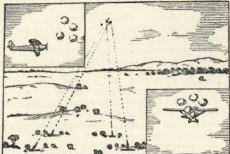
В. В. Кремер.

Танки в засаде.

Выставка «XX лет РККА и Военно-Морского флота».

Артиллерист-зенитчик

Рисунок из книги «Артиллерист»

Первый залп по воздушному врагу, изображенный так, как этот залп видел с огневой позиции (слева вверху) и с бокового наблюдательного пункта (справа внизу).

Мы знали: «противник» движется к расположению наших войск со скоростью 280 километров в час. Наши части только что закончили перегруппировку, готовясь к большим наступательным операциям. Нужно было не только лишить самолеты «противника» возможности провести бомбардировку наших позиций, но не дать им даже обнаружить новую группировку.

Наша N-ская отдельная зенитная батарея получила приказ — приготовиться к открытию огня.

Никем не обнаруженные, мы занимаем заданную позицию. Хорошего здесь мало — ровная открытая местность. Будь бы лесок — маскировка была бы uitstekовой: прикрывай батарею ветками и деревьями. Теперь же придется употребить маскировочные сети.

Орудия отцелены от тягачей, приборы сняты с платформ грузовиков, и батареи за несколько минут переводится с походного положения в боевое. Войты шесть, и вот уж поверх орудий и людей натянута сеть. Эти черные и зеленые пятна, паршивые на сети, обманут воздушного «противника». Они скрадуют контуры маскируемых предметов, сольют их с окружающей местностью. Как уазловские невидимки, мы передвигаемся вод этими сетями, свободно наблюдаем через них широкие отверстия весь горизонт неба.

Наконец, установка батарей закончена, и люди отползают к укрытиям. На батарее остается только дежурный. Напряженно ждем телефонного звонка — сигнала разведчиком — о том, что «противник» обнаружен.

Всем существом чувствуешь, как приближается минут бой, минуты, к которым готовятся годами, минуты, когда должен отчек родные, командованию, себе, как ты подготовлен к самой священной, самой главной задаче войны РККА — уменьшь уничтожить врага.

У нас, зенитчиков, эти минуты особенно коротки. Продолжительность боя, или, как мы ее называем, «скоротечность боя», измеряется от нескольких минут до нескольких десятков секунд. Бой может быть закончен за несколько десятков секунд! Но уж эти секунды напряжены доотказа! Решение надо принимать мгновенно, действовать молниеносно и безопасно: ведь твою цель мчится на огромной высоте со скоростью нескольких сот километров в час. Секунда опоздания — и цель

будет далеко от тебя. Малейшая неточность стрельбы будет означать прорыв огневой завесы смертоносными пятнами «противника». Будь собран и безошибочен в решающие секунды боя, товарищ зенитчик!

Но вот телефонный звонок. Дежурный повторяет короткую формулу, которую передает разведчик:

— Воздух! Третий Над Ивановкой! Зесно легким бомбардировщиком Высота 2700! Сивосток дежурного, и люди из укрытия устремляются к своим орудиям и приборам.

Звучит команда комбата: «По самолету, что над Ивановкой». Орудия и приборы направляются в сторону Ивановки. Подается команда: теми стрельбы, тип снаряда. Стрельть будем каждые 10 секунд снарядами типа N, так как наша задача — не только отогнать «противника», но обязательно уничтожить его.

Вот бомбардировщик уже в поле наблюдения самой батареи. Они еще в нескольких десятках километров от нее, но командиры отделений один за другим докладывают комбату: «Цель поймана». Это значит, что оптические приборы батареи уже поймали цель в поле своих объективов и теперь не упустят ее. И тогда отдается знаменательная, знакомая только зенитчикам, короткая, как выстрел, команда: «Совместить!»

Даже наземная артиллерия, имеющая обычно дело со сравнительно медленно передвигающимися и к тому же большими по размеру целями, требует для производства точной стрельбы сложных математических расчетов. А каково зенитникам, которым приходится стрелять «из пушек по воробьям» — по крохотным целям, молниеносно пересекаю-

щим купол неба? Предельно быстро нужно решить сложнейшую математическую задачу — рассчитать, чтобы в огромном пространстве неба тело снаряда встретилось с телом самолета. Лучшему математику понадобится бы для этого несколько минут, а зенитчики при стрельбах не располагают даже секундным запасом времени. В советской зенитной артиллерии так называемая задача встречи, то есть задача встречи снаряда с самолетом, решается мгновенно. И решают ее автоматы.

Команда «Совместить!» выполнена — и теперь орудия автоматически направлены на движущегося «противника». Как бы ни дагались, теперь самолеты, как бы ни меняли они направление, наши орудия будут неизменно следовать за ними, готовые ежесекундно поразить их.

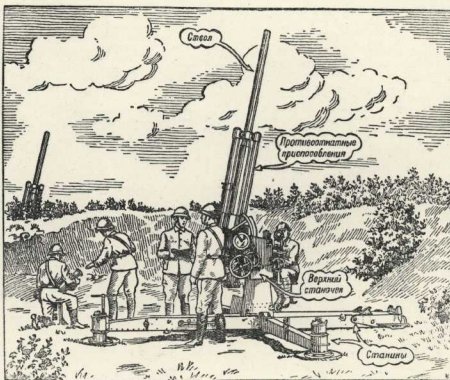
Самолеты все ближе и ближе. Уже вооруженным глазом видны корпус пристроенных мишеней — самолеты тянут их за собой на километровых тросах... Мы ведь на маневрах, и наши стрельбы пока только учебные. Нетерпение достигает предела: все проверено, все готово, чтобы поразить «врага». Когда же, наконец, прозвучит ревуны?

И вот наконец, раздается звук ревуны, который означает у зенитчиков словесный приказ «огонь». Снаряды посланы в каналы орудий. Заклонились затворы. И сразу гремит выстрел.

Командир хватается за бинокль, в который видны белые дымки разрывов. Получилась неточность. Комбат корректирует стрельбу. Он подает команду:

— Влево пятнадцать, вверх десять.

Рисунок из книги «Артиллерист».

Зенитные орудия.

Теперь разные стороны производят не столько вперед иницию. Команды ищут выходы вперед, а опрессные — лишь ждать. Значит, разрывы хороши, и элементы снарядов должны повзять в цель.

В напряженной тишине равномерно, через каждые десять секунд, раздаются хрип реву и с той же равномерностью стреляет налет батареек. Вот уже и первый и второй самолеты сунутовысь. Третий самолет вылетел назад. Вновь сигнал ревуна. На этот раз ударающий сигнал сунутовысь с первого снаряда.

Задача выполнена. Но закончена ли она? Видя, что полет звена «вражеских» самолетов был, очевидно, только пробой сил, перед своей «зигзагой» самолеты должны быть, успев перелететь по радиусу, выключить координаты нашей батареи. Что нужно жать, в ближайшие часы? «Неприятель», очевидно, попытается уничтожить нашу батарею. Для этого он вынужден использовать вид авиации, рассчитанный на борьбу с зенитной артиллерией. С ужасающей быстротой устремившись вниз, они будут пытаться бомбить нас с небольшой высоты. Что же с советскими зенитками есть спол метод борьбы со штурмовой авиацией — мы «страселяем» их в упор.

А может быть, «противник» перенесет бомбы своих основных воздушных сил на ночь? Скрывавсь в ночной темноте, полетит со сверхтонким грузом тяжелые бомбардировщики. Хватит тогда нам «слушачкам» и «осветителям» нашей батареи!

Ночью звукоуловители и проекторы дополняют нашу оптический прибор. В темноте сложной, конечно, наша работа. Но все равно, звукоуловители засекут координаты любого звука в воздухе, а проекторы, автоматически связанные с орудиями, нацеляют лучи своими дулами. И опит, по команд «Осветитель», воздушные налетчики будут поиманы в пладе действия наших орудий.

Так развертывается один из эпизодов действия зенитной артиллерии в этот опаснейший противника могущественнейшей авиации. Этот род вооружения, возникший и развившийся в течение последних тридцати лет, получил сейчас значительное распространение во всех передовых армиях мира.

Первые попытки стрелять «в зенит», опиронуясь вверх дулом обычной пушки, отошли теперь в область хити и сказок, но возсе отживших преданий. Стрельба из орудий по воздушным целям выдвинулась теперь в создание особой — самой сложной, самой автоматизированной и самой дорогой из видов артиллерии — зенитной.

Опыт современных войн в Испании и в Китае особенно убедительно показывает мощь и значение этой зенитной артиллерии.

Пресса всего мира сообщает о многочисленных случаях, когда отдельные зенитные батареи республиканцев благодаря своей подвижности и тактическим маневрам нанесли удары заслон на десятки километров фронта.

А сколько разрушений, десятков тысяч жертв предпринято благодаря самоотверженной работе героических авиачиков испанского и китайского народов! Если бы правительственные армии Испании и Китая были бы в достаточной степени слабее зенитной артиллерии, фашистские бомбардировщики, Италия и Япония не могли бы так безнаказанно убивать мирное население Барселоны и Аликанте, Каттона и Амои.

Самое внимание, которое оказывают партии, советское правительство и лично товарищи Сталин и Ворошилов артиллерии, в особой мере относится к той ее части, которая предназначена для борьбы с воздушным врагом.

Почета и ответственная профессия артиллериста-зенитчика.

Сложнейшая техника орудий-автоматов, специфика колоссального веса требуют от зенитчика особо хорошей математической подготовки, сообразительности, интуиции.

Профессия артиллериста-зенитчика становится одной из почетнейших военных профессий нашего народа, одной из самых любимых профессий нашей советской патриотической молодежи.

Памятные ДАТЫ

Н. Г. Чернышевский

Н. Г. Чернышевский

(110 лет со дня рождения)

Николай Гаврилович Чернышевский, «великий русский социалист демократического толка», как называл его Владимир Ильич Ленин, был замечательным революционером, человеком необычайной, кристальной чистоты и честности, человеком, отдавшим всю свою жизнь на служение народу и справедливости. И Маркс и Ленин глубоко уважали и ценили Чернышевского.

Николай Гаврилович Чернышевский родился 24 июля 1828 года в семье саратовского священника. Он окончил духовное училище, а затем поступил на филологическое отделение Петербургского университета. Университетские годы положили начало увлечению Чернышевского утопическим социализмом Сен-Симона и Фурье.

Окончив университет, Чернышевский некоторое время учился, а затем стал сотрудником и фактическим редактором журнала «Современник», издававшегося в Петербурге Панаевым и Некрасовым.

Чернышевский был исключительно одаренным человеком и одним из культурнейших людей своего времени. Он был идеальным трибуном крестьянской революции и талантливым беллетристом, крупнейшим экономистом и автором замечательных прокламаций, литературным критиком и публицистом.

До конца своей жизни Чернышевский был и оставался последовательным революционером-демократом. «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развите капитализма и пролетариата способны создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел выйти на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех самодержавств» (Т. И. Я. Соч. Т. XV, стр. 144).

В 1863 году Чернышевский выпустил свой роман «Что делать?». В этом замечательном произведении Чернышевский стремится показать путь, который приведет человека к обществу общепризнанно справедливому. В романе Чернышевский рассказывает о мастерах, организованных Верой Павловной. Эти мастера — ядро будущего общества, производственные коммуны, основанные на началах всеобщего равенства и братства. Великий утопист Фурье также считал, что путь к коммунизму идет через фашисты — объединяют работающих равноправных членов общества. Имен Фурье нашли свое яркое отражение в романе «Что делать?». В этом же произведении Чернышевский смело говорит о равноправии женщины, о праве женщины на свободную любовь, о борьбе за женскую самостоятельность.

Выступая против буржуазного общества и его фашии, Чернышевский создавал образы новых людей. Глубоко принципиальный, правдивый, Чернышевский сам своей жизнью дал образец того нового человека, о котором он писал. Беззаветная преданность делу народа, скромность, трудолюбие, безграничное уважение к женщине, полное отсутствие лицемерия, ханжества, притворства, бесстрашная суровость к врагам, непримиримость к лжецам и трусам — вот качества, отличающие Чернышевского.

Чернышевский ненавидел самодержавие, ненавидел помещиков и капиталистический строй. В письме к Гершеню он писал: «Зовите Русь к товору и помните, что сотни лет губит Русь вера в доброе поведение царей». Не мудрено, что самодержавие — помещики, капиталисты, чиновники — ненавидело и боялось Чернышевского.

В июле 1862 года Чернышевский был арестован и заключен в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. 19 февраля 1864 года сенат вынес приговор, за принятие мер к возмущению и недоброжелательному отношению к императорскому советнику Николаю Чернышевскому, 35 лет, за злоупотребление к испровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмущительного «К барским крестьянам» и передачу оного для начтания в видах распространения — лишит всех прав состояния и сослать на каторжную работу на рудниках на 14 лет, а затем поселить в Сибирь навсегда.

31 мая на Мятинской площади в Петербурге уездного стоаба над Чернышевским был совершен иудейский обряд гражданской казни.

1 июня Чернышевский был отправлен в Сибирь. 19 лет провел Чернышевский в тяжелых сибирских ссылках. Но ни сибирская ссылка, ни нищета, ни одиночество не сломили духа великого революционера и борца: большой, всеми забытый, Чернышевский продолжал работать и творить, продолжал отстаивать свои взгляды.

После возвращения из ссылки, в ночь на 29 октября 1889 года, Чернышевский скончался.

Вся мыслящая, вся революционная Россия содрогнулась при известии об этой смерти. Петербургские студенты совместно с представителями рабочих кружков устроили в Петербурге гражданские похороны. Такие же собрания молодежи состоялись и в других городах России.

Исполнилось 110 лет со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского. Образ его, образ революционера и замечательного человека, живет в сердцах людей, и советская молодежь чтит его светлую память.

Мужчина

Л. ЗИЛЬБЕР

(Из записок)

Их несколько человек. Гусине, записка гласит, бдущие речи выражали стремление любой ценой обрести себе передовую тяжесть преступления на «недавних друзей, единомышленников, сидящих рядом на скамье подсудимых».

Бот один из врагов. Это студент педагогического института. Он подвигнул, гладко причесан, у него ровно подстриженные ногти, еще сохранившие следы лака. Рядом с ним сидит здоровенный, немного ступидоватый парень, с серым, жестким лицом, с бесцветными, водянистыми глазами, смотрящими всегда вниз или по сторонам.

Первому 25 лет. Его отец в прошлом — мелкий государственный чиновник. При советской власти стал юристом одного из трестов. Родители заботливо оберегали своего сына от общения с внешним миром. Они часами рассказывали ему о прошлом, о виденных им грандиозных балах, дворцовых выездах. Порой мать вытаскивала старые девичьи письма, наивные гаулиевские стишки, запертые в папку «Русское слово», обвязанные потускневшей голубой лентой, и читала их нараспе, чуть-чуть покачиваясь, приставив к близоруким глазам лорнет.

Сын рос. Участь в школе, увлекался литературой. На школьных вечерах выступал со своими «программными» стихами:

«...Мои стихи безобразно безобразны,
Они миска с томюю миною,
На них лежит отпечаток розовый
Отпеснившей полутонкой гостящей...»

И далее:
«...Песня о моей любви
Пусть встречается хохотом, свистом.
И хочу как и в жизни быть
В своих стихах згонистом».

Тревожные думы и опасения должны были рождаться при слушании подобных строк. Но юноше аморализировать не сумели блестящую будущность поэта. А один из помощников «кнота», бывший офицер, переквалифицировавшийся в преподавателя литературы, особо внимательно приглядывался к юноше, расставил коммунистический исторический его способности.

Они стали друзьями. Под влиянием своего покровителя юноша познакомился с изурядской философией Ницше, стал увлекаться стихами Гумилева, философиям контрреволюционера, расстрелянного ЧК в первые годы советской власти.

Молодой человек уже кончил школу, стал студентом, но друзья его с «еленатом» не оставляли. Время «второстепенной подготовки» уже прошло. Молодой человек, по прямому указанию своего старшего друга, взялся за практические дела. Он знал, откуда исходит эти указания. Покровитель не скрывал имени своего настоящего хозяина, да и деньги, крупные суммы, которыми он регулярно снабжал своего способного ученика, достаточно говорили ему о юрстве, на кого он работает.

Однажды он получил новое задание — ехать регулярно посещать рабочий клуб одного из авиационных заводов. Познакомился там и в дальнейшем встречал с одним из молодых работников. Убедил ее, использовать в шинокских целях, а если представится возможность, — завербовать.

— Большому кораблю — большое плавание, —

говорила с умишкой покровитель, передавая это задание своему питомцу, — вы мечтаете о романтике — вот вам она, покаятельная! Ему повезло. В первый же вечер в клубе завода N он познакомился на танках с молодой миллионершей девушкой. Девушка работала в ведомстве, секретном сексе. Увлекалась литературой и, скрывая от товарищей, писала стихи.

Он был в восторге. Это ведь было именно то, что нужно! Если в первый вечер они месяце говорили, а больше танцевали, то при дальнейших встречах он уже развернул перед ней все свои таланты. Он назвался литератором, говорил о книгах, о красоте жизни, о любви.

Знакомство продолжалось около месяца. Он был уверен в успешном выполнении задания. В одну из встреч шинок как бы мимоходом сказал девушке, что кончат книгу об авиации и нуждается в некоторых сведениях, которые она должна достать для него.

— Но это ведь сведения секретного порядка, — сказала девушка.

— Секретные?.. Но для меня? Для книги? Я тебя не понимаю!.. — он возмущался «се-е-енскерским отношением», говорил об оскорблении его недовверия, пролезавшего много записку, обмануть.

Девушка молчала. Глаза ее были широко открыты. Слышала она, его внимательные. Вскоре они расстались, договорившись встретиться завтра. В эту же ночь шинок был арестован.

Хитроумный вражеский план разрушила бдительность и честность советской девушки, верной дочери своего народа.

Таков портрет одного из врагов, продавшего своим иностранным шпионам.

Сидящий рядом с ним на скамье подсудимых не читал Ницше. Не писал стихов. Ме-

сто его действий — ночная уличная, пивная, бегая. Оружие этого врага — кулак, нож, револьвер. В прошлом у него несколько призов и судимостей.

Когда суд спрашивает, с кем он дружил, то, глядя по обыкновению в сторону, подсудимый отвечает, что в его компании входили такие-то. Компаний! Он не любит и не проносит настоящего, единственно правильного названия своей «компании» — банда. Хунганская, преступная банда, нападоющая на проехавших, устраивающая драки, растаскивающая молодежь. И он «вожак» этой банды.

Как и первый подсудимый, он действовал по прямому указанию резидента иностранной разведки, получив от него конкретные задания и значительные суммы денег.

...Молодой рабочий одного из оборонных заводов жил в одном доме с некоторыми из членов хунганской банды. По указке «вожака» его начали постепенно обрывать. Такими по шагам, приглашали на бегу. Для юноши все это было новым, увлекательным. В несколько дней он расстривал всю полумесячную заработную плату. Однажды, когда у юноши был крупный проигрыш, «вожак» предложил ему познакомиться с одним «содельным человеком». Уверал, что то отхотит даст денег взаимы.

Знакомство состоялось здесь же, на бегу. Отлично одетый мужчина мило и просто беседовал с ним. Пригласил к себе. Говорил, что очень любит молодежь, а что касается денег, то всегда с удовольствием может дать.

В этот же вечер они вместе в ресторане: закрепились дружбу.

Начались систематические встречи, и вскоре, когда враг решил, что можно действовать, он прямо предложил юноше дать ему ряд сведений по заводу. Обещал хорошо заплатить. Но и здесь враг просчитался. Молодой рабочий вовремя спохватился, нашел в себе достаточно честности и мужества рассказать обо всем, что произошло с ним, вырвался из шаптки, которую влезли вокруг него враги.

Два врага нашей родины, два фашиста, сидят рядом на скамье подсудимых.

Виднее такие различные, эти два врага как бы восполняют друг друга, составляют одно целое. За маской каждого из них — звериный, фашистский оскал.

Будем бдительны, товарищи! Еще более поднимем и услим революционную, большевистскую бдительность! Будем зорки и внимательны, чтобы умей вовремя распознать и разоблачить врага, под какой бы маской он ни скрывался!

Выставка «XX лет РККА и Военно-Морского Флота».

В. Карен.

Там — надвигается граница.

Детство

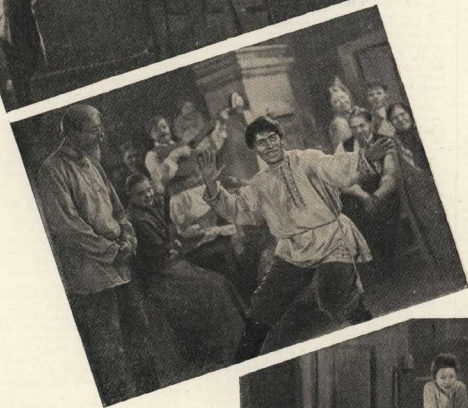
Горького

Алексей знакомится с большой и недружной семьей своего дяди Каширина. Он пытается вглядываться в эти тяжелые и сумрачные люди, среди которых пройдут его детские годы...

Утром снова старика Каширина — Яков и Михаил, утром и неслыхно дед...

Только на короткое время заглушено в тесную квартиру настоящее веселье, когда приемыш семьи Кашириных рабочий Цыганок стал плакать, а за ним поплыла в легком плаще бабушка Алексея ласковая Акулина Ивановна. Но тут же неожиданно вспыхнула странная ссора между братьями, в слепой ярости бьют они друг друга, катятся по полу, сбрасывая со стола посуду, ломая вещи. Таковы первые детские впечатления Алексея Пешкова на новом месте — в доме дяди.

Это был странный, жестокий быт. Маленького Алексея дед чуть было не засек до смерти. Сны и порки мальчика потрясут зрителей. Исполосованный, лежит он в кровати, уткувшись в подушки, худые плечи вздрагивают: Алексей плачет от обиды, стыда... Об этой жизни, о своем детстве Горький гениально рассказал в своей повести. Но ценность книги, как и фильма, мощно и полно

Кадры из фильма «Детство Горького» (снизу вверх): Алена (А. Ларский) у соседа-революционера «Хорошего дяди» (артист С. Тихомиров); Цыганок плачет (артист Д. Сагал); бабушка рассказывает сказку (народная артистка РСФСР, ордензвезда В. О. Массалитинова).

Советское кино одержало новую победу: автобиографическая повесть Максима Горького, перенесенная на экран. Сценарист Илья Гruzдев и режиссер Марк Донской очень бережно подошли к ответственной и чрезвычайно трудной задаче экранизации столь крупного произведения, каким является горьковское «Детство». На экран надо было перенести сильные характеры героев, яркий язык персонажей, картины деревенского быта — все глубокое содержание повести. Постановщица кинокартины блестяще справилась с этой задачей. Повесть живет в фильме.

...Просторная русская река Волга. По камням, горячим от солнца, бредут бурлаки, надрывая пошлые свои песни. Лениво движется баржа. Этот пейзаж семидесятых годов прошлого столетия, как запис, дает тон фильму. Мы видим на палубе парохода мальчика Алексея Пешкова, выглядывающего из-за спины матери.

СТЫДНО ЛИ БЫТЬ ПОРТНЫМ?

передавший дух провинциализма, но только в том, что убедительно и правдиво показан страшный, дореволюционный быт российской провинции: наряду со звериным, подлым и мерзким ярко показаны и работящие, честные, смеющиеся, правдивые люди, такие, как революционер «Хорошее дело». О безразличном дегте талантливо писано много художником словом, но средние и вышедшие из крова сердца книг горьковского «Детство» — одна из самых оптимистических. Как ни мрачны были детские годы Горького, он рассказывал также и о том хорошем, благородном, что окружало его.

Эпизод за эпизодом проходит перед нами. Благополучие семьи Капирных, приобретенное тяжелым трудом, распадается, надвигается разорение. Раздел имущества. Неудно и страшно гибнет женщина. Поражает справедливо, отнимая широта взглядов и мудрость этой женщины, измученной непосильным трудом, церковью, властью хохлина семья над ней. Веру в человека как зародок нектара, несется через всю свою жизнь. Мудрость ее глубоко народна. В прекрасных народных песнях и сказках черпает она мужество, приходит к мысли, что надо бороться против людских, пришедшим послушать ее были:

«Злого бы приказу не слушайся,
За чужую совесть не приглася.»

Пестуном и другом маленького Алеша стала эта добрая и мудрая женщина. Бабушка понимает: Алексей — необычный ребенок. Она оберегает его от подлости и жестокости, учит быть мужественным, смеяться, честным.

Семья Капирных оскудевает. По железным законам провинции, собственности, дела сива брошен в нищету, но ребенок в годы своей молодости он выжил с неизмеримым трудом. Ни к чему он «якобы разум свой». Все пошло прахом. Нищетами дед. Маленький Алексей становится трагичным, мучошником. Он роется с товарищами на свалке. Рано познает он нужду, горечь бедности. Сидя с друзьями, Алеша особенно рассуждает о том, как ему зарплата нужна, чтобы прокормить с бабушкой день. Он приносит денег несколько грошей. Жизнь тяжела, горька. Мать Алексея выходит замуж за немолодого человека. Учительница утверждает, что выдала условия жизни, когда хотела и могла...

Неприветливый мир открылся перед Алексеем Пешковым. Он встречается с Леньвой (школьник Игорь Саврасов прикованным к постели и страстно мечтающим обнять «вое чистое тело»). У маленького Алексея много друзей и товарищей. Они вывозят на тележке Леньву «во чистое поле».

Алексей Пешков уходит «в люди», в мир дешевой, труда, борьбы. На этом кончается «Детство» — первая часть киноленты, за которой последуют «В людях» и «Мои университеты».

В кинокартине, как и в книге, показано не только детство маленького Алексея Пешкова. Картина показывает нам Россию тогда, какой она была всего лишь полтора века назад. Чье бы еще лучше и глубже любил свою прекрасную советскую родину, надо знать прошлое. Фильм «Детство Горького» этому учит.

Создан замечательный, высокохудожественный фильм, достойный гениальной книги Горького — «Детство».

М. Красноватский

В нашей стране стажировкам может стать делом трудящихся. Нужно лишь побить и указать свою профессию, изучать и в совершенстве владеть ею и честно, по-бытийски относиться к труду.

На советские, очень важные и ответственные дело — выбор молодежи профессии — если не ведем полностью с вниманием наших комсомольских организаций (школы, которые в настоящее время, должны послужить разным укором нашим комсомольским организациям, должны заставить комсомольских руководителей серьезно призадуматься...

Мичуринская профтехшкола швейного производства организована в ноябре 1936 года. Обучение в ней трехгодичное, готовят она квалифицированных мастеров швейного производства, которые должны уметь создавать хорошую, красивую одежду для счастливых граждан нашей родины. Еще не так давно в этой школе было 80 учащихся, но за сравнительно короткий срок в ней осталось только 80 человек. Остальные разбежались в другие техникумы и школы, на разные предприятия...

В чем же дело? Чем вызвано бегство из степи школы 20 юношей и девушек? На одной картине жалею тех, кто ушел: С., П., К., М. и Г. Как-то вечером у них зашел разговор о профессиях. С. признался товарищам, что он никогда не мечтал о школьной профессии и пошел сюда случайно. Этот молодой человек страстно любит театральное дело и обладает сценическими способностями. Но случилось так, что он попал в школу швейного производства. Он говорит, что ни за что не будет учиться в этой школе.

Молодой парнишка П., который окончил в эту году семилетку, пришел в Мичуринское педагогическое училище, но не сдал экзаменов и попал в профтехшколу тоже случайно. Этот заявил так: «Получу за месяц стипендию и уеду домой».

К. и М. — товарищи из одного села. Они не захотели учиться в бутуринской профтехшколе обувного производства, и они приехали в Мичуринск. Оба твердо решили, что приехали только на зиму, а там, мол, видно будет. Игит, Г. сидел и слушал. Он им явно сочувствовал...

Разговор о профессиях затонул за полонью. Все пятеро твердо порешили заключить договор в том, чтобы поехать эту школу, не дожидаясь января.

И вот договор вступил в действие. В этом же месяце П. получает 60 рублей стипендии и уезжает. С. сумел обмануть секретари комсомольской организации, связав с метом, мы прощай документы и тоже уехал. Два неразлучных друга (К. и М.) списались с одним из московских приятелей и, оставив на квартире школьные койки, матрасы, книги, портфель скрылись. Дирекция школы за беспечностью. Последние дух стали разыскивать. Но прошло три дня, и директор поудомился из них пропавших. «НБ беспечность, мы в Москве, стране Метрополитен, скоро будем стажироваться. На улице Марата, в доме № 37, возьмите койки и матрасы. С приездом К. и М.».

В Мичуринской школе есть учащиеся, которые успевают уже поехать в пятый — шестой учебный заведений, ни в одном из них не доучившись до конца. А молодой человек В. хвастается, например, тем, что он за два года обмял даже семь учебных заведений и сейчас говорит: «Если захочу, то и из этой школы убегу и устрою там, где мой душевский пожелает». Этот В. не только хочет учиться сам, но и разлагает других

учащихся. На одном из школьных собраний он так и заявил: «Ребята, учитесь, мечтайте специальности». И не встретил серьезного отпора ни со стороны учащихся, ни комсомольской организации, ни руководителей школы. Многие учащиеся скрывают от своих родителей и знакомых будущую свою профессию. Они стыдятся даже о ней говорить.

Интерес и поучительна такой случай. Молодые люди учащиеся скрывают от своих родителей, комсомольца, была общественницей, хорошо училась, выступала на собраниях с режак критичной тек, кто игнорировал учебу. Р. познакомилась как-то в кино с одним студентом и назвала училась фольклорско-акушерской школы. Сказать, что она учится в школе швейного производства, показала ей статью. «Он кончил плодородной техникум, мечтал стать агрономом и желал на Р. Решила вместе ехать в деревню и там работать. Они были счастливы, встречались каждый день. Но вот будущий агроном узнал через своего товарища, что его знакомая Р. учится не в фельдшерско-акушерской школе, а в школе портных. Он вознегодовал, и они расстались».

После этого Р. стала пренебрежительно относиться к своей школе, мало участвовал отходила от общественной работы. Она решила: «Если я буду портной, то мне замуж не выйдет» — и собирается покинуть школу.

Комсомол Ж. учился в фольклорско-акушерской школе, что ему не нравится его профессия. Однако в его письмах к знакомым можно найти такие стихи:

«Коль, мои мечты, мои старания,
Мало в них толку, много вреда.
Быть летчиком мечтал,
Но что делать, и в портные попал,

Итак, портной я есть.
Но... портным не буду.
Не сегодня, так завтра убегу.
Все равно профессию эту забуду
И в летную школу уеду».

Учащийся Д. пишет в своем дневнике:

«7 ноября Праздник, в школе собирается на демонстрацию. Я пришла в школу специально в разных туфках, что моя отпустила с демонстрации, так как мне позорно идти по городу с этой школой. Я рада, что меня отпустили. Пошла праздновать отдельно. День прошел весело».

Это недовольство профессией очень серьезно отражается на учебе. Уроки проходят скудно, мало, чувствуется абсолютное нежелание слушать преподавателя. На уроках учащиеся стараются поспать, не делают рисуют, пишут стихи, письма родителям, некоторых учеников в сов... Многие открыто заявляют директору школы, что не хотят здесь учиться, и требуют вернуть им документы.

В школе, конечно, много беспорядков. Часто пересятриваются стипендии, нет твердого руководства, а главное, с учащимися не ведется воспитательная работа. И вот тратятся огромные средства на недоучек, на летунов, без толку расходуются силы педагогов. Мы делаем преступление, обманывая партию, мы не народные деньги. Мы еще не научились понимать, что всякая профессия в Советском Союзе почетна и уважаема и что любой труд у нас стал делом воспитательной работы и героизма. Свою профессию надо любить!

Учащийся Е. Чуриков

Мичуринск

От редакции. Читатель «Смены» тов. Чуриков затронул в своем письме важную тему. Просим читателей «Смены» высказаться по поводу начатого письма.

